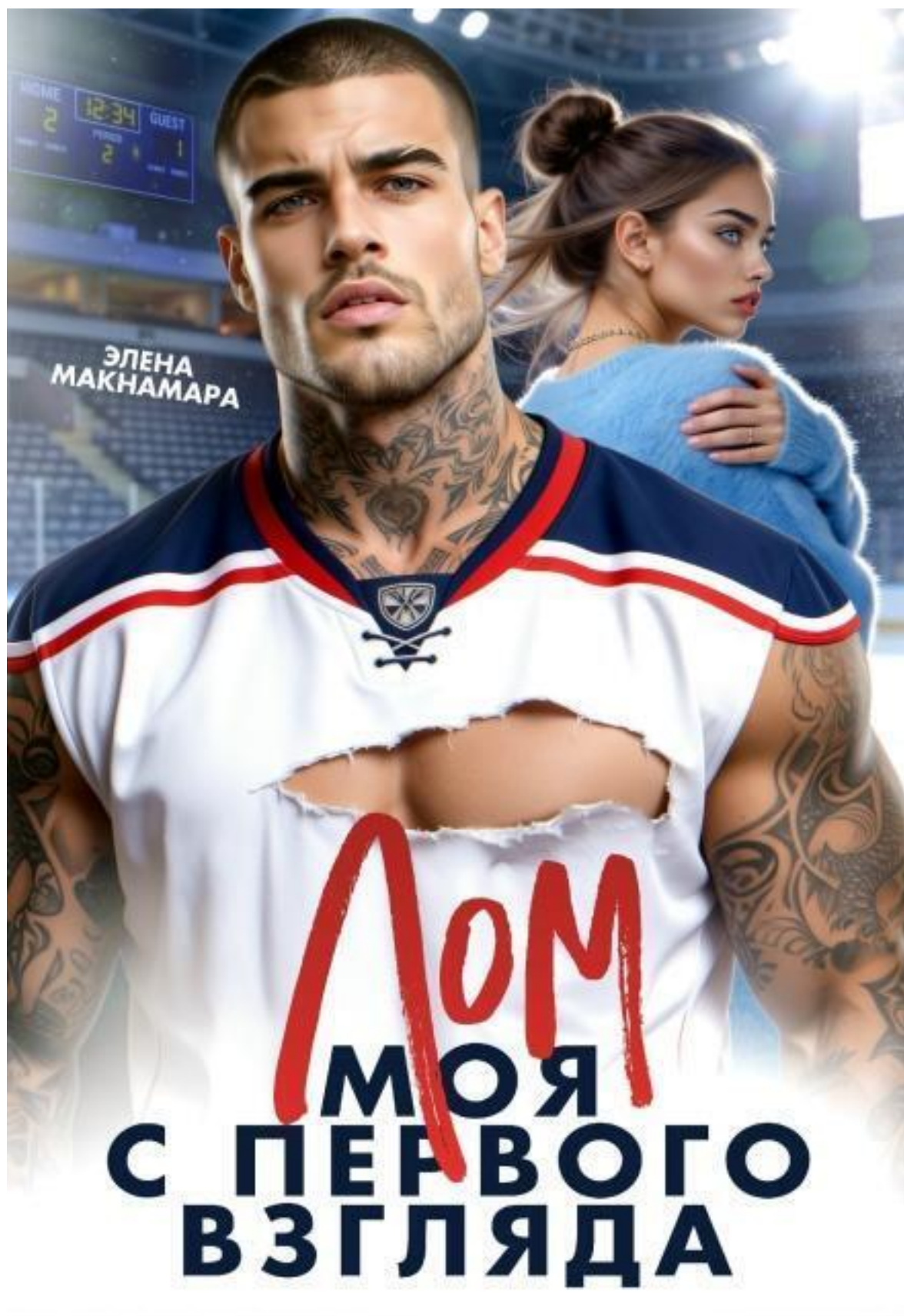

ЭЛЕНА
МАКНАМАРА

Лом
МОЯ
С ПЕРВОГО
ВЗГЛЯДА

Элена Макнамара

Лом. Моя с первого взгляда

«Литнет»

2026

Макнамара Э.

Лом. Моя с первого взгляда / Э. Макнамара — «Литнет», 2026

♥#Книгу можно купить на бумаге. Артикул ВБ 1567191190♥# Кирилл Ломов – жёсткий хоккеист, тафгай, сила и мощь команды. Рост под два метра, почти сто килограмм сплошных мышц, татуировки и лицо серийного убийцы. Он молчит неделями. А когда говорит – лучше бы молчал. Бывшая жена называла его животным, неспособным на чувства. Ася Зорина – кондитер. И её вот-вот выкинут с работы. Ася детдомовская. Печёт торты, ведёт свой скромный блог и не боится мужчин. Не боялась. Пока не встретила его. История Кирилла Ломова, которого мы встречали в книге Вип-пациент Будет жарко! Немного со стеклом! Одиночник, счастливый финал История Аварского тут

© Макнамара Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Огнемёт.	6
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ	9
Глава 2. Тот самый великан.	14
Глава 3. Трудные ребята.	18
Глава 4. Моя.	20
Глава 5. Он — моя пропасть.	22
Глава 6. Долбаный сталкер.	24
Глава 7. Что ему нужно?	27
Глава 8. То, что между нами началось.	30
Глава 9. С нами обоими что-то не так.	35
Глава 10. Я здоров и нездоров.	38
Глава 11. В вечернем сумраке намного волнительнее.	41
Глава 12. Хочешь уйти?	44
Глава 13. Он уедет, а я останусь.	47
Глава 14. Шестьдесят минут «до».	50
Глава 15. Бронепоезд.	53
Глава 16. Эфир.	56
Глава 17. Чертовски много за торт	59
Глава 18. Неправильно, потому что правильно.	62
Глава 19. Останься.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пролог

Ломов

Три года назад

В меня летит подушка.

– Ты – животное, Ломов! Неандерталец, бл... Бесчувственный, бл...

Глотая маты, Нина мечется по спальне, пинает всё подряд. Медленно сажусь на край кровати. Смотрю на жену исподлобья.

– Я так больше не могу! Мы – совершенно разные люди. Ты не стараешься! – тычет пальцем в мою сторону. – Ты не знаешь, что такое любовь, нежность, понимание. Ты можешь только трахаться! Удовлетворять свои нужды! А мне в постель с тобой противно ложиться. Я чувствую себя грязной!

Молчу. Потому что нечего сказать. Или потому что всё, что скажу, не имеет никакого значения.

– Не мужик ты, Ломов! Хоккеист с долбаной клюшкой!

Нина орёт, топает ногами. Будто вколачивая моё самолюбие в долбаный пол.

Мне в лицо снова летит подушка. Потом моя рубашка. Потом книга с тумбочки – Маркес, «Сто лет одиночества».

Символично.

– Уезжай, Ломов! Я хочу побыть одна! Не хочу тебя видеть! Никогда-никогда-никогда! Убирайся!

Из моего, сука, дома.

Дом куплен на мои деньги. Машина тоже. Карта, которой она расплачивается в бутиках – моя. Но ей плевать на такие детали.

Встаю. Надвигаюсь на Нину. Она пятится, выставив перед собой руки, и упирается спиной в стену.

– Что ты хочешь сделать? – глаза бешеные, испуганные. – Кирилл! Кирилл, не надо! Я же погорячилась...

Секунду назад орала – теперь шепчет.

Упираюсь ладонью в стену над её головой. Наклоняюсь. Близко. Так, чтобы она чувствовала моё дыхание.

– Как думаешь, что сделает животное с неверной женой? – шепчу напротив распахнутых от страха губ.

– Кир... – выдыхает она, охая. – Кир, ты ведь несерьёзно сейчас?

Отталкиваюсь от стены. Подбираю с пола рубашку и Маркеса. Иду к двери.

– Кирилл! – голос у неё ломается. – Кирилл, подожди!

Бесчувственный, значит... Животное, значит...

Ладно.

Глава 1. Огнемёт.

Ломов

Наши дни

В меня летит туфля.

– Нет! – визжит девица, натягивая на себя простыню. – Я не буду! Ты больной?!

Лежу на кровати, смотрю в потолок.

– Уходи, – говорю ровным тоном.

– Да! Я ухожу! Думаешь, если заплатил, можно всё?! Ты... Ты ненормальный!

Она прыгает на одной ноге, пытаюсь надеть юбку. Опрокидывает стул, чертыхается.

Не смотрю на неё, не останавливаю. Какой смысл? Они все одинаковые. Сначала – «Ах! Хоккеист! Деньги! Мускулы!» Потом – глаза по пять рублей и крик.

Схватив сумку, девица бросается к двери, судорожно дёргает дверную ручку, но никак не может с ней справиться. Начинает орать и бить ладонями в дверь.

– Выпустите меня! А ты не подходи! – оборачивается ко мне.

Твою ж мать! Ей в драмкружок надо.

– Лом? – голос Макса из-за двери. – Ты там живой?

Приехали...

Макс заглядывает в номер, и девица пытается проскочить мимо него. Он придерживает её за плечи, быстро оглядывая комнату и оценивая обстановку. Смятая постель, опрокинутый стул, одинокая туфля на полу. И я – в одних трусах на кровати.

– Ясно, – говорит он и выводит девицу в коридор.

Мы в краснодарском отеле. Впереди полуфинал, потом финал, потом мы свалим домой в Москву.

Слышу голос Макса – мягкий, обволакивающий. Аварский умеет. Когда хочет – может уговорить кого угодно на что угодно.

– Всё хорошо, красавица... Не плачь... Вот, держи, за беспокойство... Вызвать такси?.. Нет-нет, он не опасный, просто... специфический...

Шуршание купюр. Всклипы становятся тише.

Наконец Макс возвращается. Закрывает дверь, подобрав туфлю, вертит в руках.

– Тридцать восьмой размер. Симпатичная, кстати, девочка.

– Угу.

– Лом, блять!

– Что?

Макс садится в кресло, закидывает ногу на ногу. И смотрит на меня как психотерапевт на безнадёжного пациента.

– Что она сказала?

– Что я больной.

– А ты?

– Что?

– Ну... ты больной?

Поворачиваю голову, смотрю на друга, посылая весьма однозначный месседж «отвали». Макс выдерживает мой взгляд. Он – один из немногих, кто это может.

– Одевайся, – говорит он. – Пошли гулять.

– Не хочу.

– Я не спрашивал. Одевайся.

Минут десять спустя идём по вечернему Краснодару. Тепло, влажно. Пахнет югом – акацией, выхлопами, шаурмой из ларька на углу. Город не спит: музыка из баров, смех, чьи-то пьяные голоса.

Макс идёт рядом, руки в карманах. Молчит ровно тридцать секунд – для него это рекорд.

– Слушай, – начинает он, – я тут подумал...

– Опасное занятие.

– Заткнись. Я серьёзно. Я видел твой агрегат в бане.

– К чему ты ведёшь?

– К тому, что с таким огнём надо быть осторожнее. Предупреждать хотя бы. Инструктаж проводить по технике безопасности.

Хмыкаю.

– Я серьёзно! – Макс всплёскивает руками. – Ты – двухметровый мужик с лицом наёмного убийцы. Приводишь девчонку в номер, молча раздеваешься, и она видит... ну... вот это всё. Конечно, она начинает орать. Я бы тоже заорал!

– Ты бы не заорал.

– Мне можно, я – уверенный в себе мужчина. Но я бы впечатлился.

Снова хмыкаю.

Макс доволен – вытянул из меня хоть какую-то реакцию. Идёт дальше, болтает. Про завтрашнюю игру, про Сафина – нашего капитана, на которого новое руководство федерации и спонсоры делают серьёзную ставку.

Слушаю вполуха, думая совсем о другом.

Нина была права. В одном точно была права – я не умею общаться с людьми. Не умею говорить то, чего от меня ждут. Не умею быть мягким, лёгким, удобным.

Пять лет я играл в высшей лиге. В Швеции – в стране, где молчание считается нормой. И я стал ещё хуже. Или лучше. Зависит от точки зрения.

Я читаю Маркеса и Достоевского. И «Гамлета» на английском. Могу поддержать разговор о квантовой физике или живописи эпохи Ренессанса. Но в постели с женщиной превращаюсь в то, кем Нина меня называла. В животное.

Потому что тело говорит громче, чем голова. Искреннее. Потому что единственный язык, который не врёт – это кожа, руки, дыхание, зубы... Слова – это ложь в красивой обёртке. А тело не врёт.

Проблема в том, что не всем это заходит.

– О, глянь! – Макс тормозит. – Кондитерская. Работает ещё. А мне так сладенького захотелось.

Останавливаюсь, ловя своё отражение в витрине. И правда, рожа как у серийного убийцы. Вот только обычным тёлкам и всяким потаскушкам это не мешает. Пока дело не доходит до секса. А там уж от выдержки, принципов и опыта всё зависит.

Макс уже тянет дверь кондитерской.

– Пошли, я угощаю. Тебе надо подсластить жизнь. В прямом смысле.

Захожу следом. Колокольчик над дверью звякает. За прилавком – девчонка. Невысокая, тёмно-русые волосы собраны в хвост. Фартук в муке, руки тоже в муке. На щеке – мазок чего-то белого, то ли крем, то ли сахарная пудра.

Поднимает голову. Глаза светлые. Очень светлые. Серые или голубые – не разберу в этом свете.

Смотрит на меня. А я смотрю на неё.

– Здравствуй, – говорит она. – Мы через десять минут закрываемся, но если хотите что-то выбрать...

Голос мягкий, чуть хриловатый. Уставший, похоже, к концу смены.

Макс уже прилип к витрине.

– Это что, наполеон? Настоящий? С заварным?

– С заварным, – она улыбается ему. Привычно, дежурно. – И с масляным. Два слоя.

– Беру. И вон тот тирамису. И эклер. Нет, два эклера. Лом, тебе что?

Молчу, залипнув на белом мазке на её щеке. Она переводит взгляд на меня. Улыбка гаснет, взгляд становится настороженным.

– Мне... – голос застревает где-то в горле.

– Ему тоже наполеон, – вклинивается Макс. – И капучино, если есть.

– Кофемашина уже выключена, – она отводит глаза. – Могу предложить чай.

– Годится.

Она начинает собирать заказ. Достает коробку, укладывает пирожные. Руки чуть дрожат.

Стою у прилавка и смотрю, как она двигается. Аккуратно, точно. Профессионально. Но эта дрожь...

– Вы сами готовите? – вдруг спрашиваю я.

Она поднимает глаза. Удивленно – будто не ожидала, что я умею говорить.

– Да. Всё, что на витрине.

– Всё?

– Всё.

Смотрю на витрину. Там наименований тридцать, не меньше. Торты, пирожные, печенье, конфеты ручной работы.

– Одна готовите?

– Нас трое, – она запинается. – Пока трое.

Пока. Что-то в этом «пока» цепляет. Но я не спрашиваю. Не моё дело.

Макс оживлённо болтает с ней, пока она возится с нашим заказом. Как тебя зовут? Давно здесь работаешь? А это безе или меренга? Не парясь, переходит на «ты», и она его не поправляет.

– Ася, – улыбается девушка. – Это безе. А вот это – французская меренга.

Наконец Макс расплачивается, и мы уходим. Он открывает коробку, впивается в эклер.

– М-м-м... – стонет с набитым ртом. – Попробуй! Это же пиздец как вкусно!

Беру наполеон. Откусываю. Он прав. Пиздец как вкусно.

– Симпатичная, – говорит Макс, прожевав. – Тебе так не показалось?

Не отвечаю. Но в памяти так и стоят – светлые глаза и мазок крема на щеке.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

Ломов Кирилл

Анастасия (Ася) Зорина

Добро пожаловать в новую историю загадочного Лома! Благодарю за поддержку и внимание, устраивайтесь поудобнее, будет горячо))

Глава 2. Тот самый великан.

Ася

Настроив фронтальную камеру, ставлю телефон на стол и прижимаю его к стеночке. Штатива у меня нет пока.

Улыбаюсь, глядя в экран.

– Привет, мои сладкоежки. Сегодня покажу вам одну штуку – как сделать так, чтобы безе не плакало. Ну вы знаете – когда оно поначалу красивое, хрустящее, а через час становится мокрым и липким.

Двести тринадцать подписчиков. Даже не аудитория, так – пара знакомых и сотня зевак. Но я подмигиваю в камеру с таким воодушевлением, будто за экраном тысячи. Когда-нибудь будут. Может быть. А пока мне просто нравится говорить вслух о том, что я люблю. Когда говоришь – кажется, что тебя кто-то слушает. Для девчонки, которая выросла в детском доме, это немало.

– Главная ошибка – выключить духовку и сразу открывать дверцу. Не надо так. Безе этого не прощает. Оставьте его внутри, пусть остывает медленно, в своём темпе.

Поворачиваю телефон чуть левее, чтобы в кадр попали руки и противень. На костяшках правой – свежий ожог от вчерашней карамели, на указательном пальце – пластырь, а под ногти вьелся синий пищевой краситель, который не отмывается третий день.

Бьюти-индустрию моими руками точно рекламировать нельзя.

– Зорина, ты с кем разговариваешь?

Вздрагиваю от голоса Риты. У неё такой фирменный тон, в котором одновременно и раздражение, и снисходительность.

Рита работает в кондитерской четвёртый год и считает это место своей личной территорией. И по её мнению я здесь – что-то вроде временного недоразумения.

– С подписчиками, – отвечаю я, задвигая противень в духовку.

Рита заглядывает мне через плечо и хмыкает:

– Ольга Петровна увидит, что ты в рабочее время клоунаду снимаешь – вылетишь раньше, чем безе поднимется.

Выключаю запись и убираю телефон в карман фартука. Спорить бессмысленно. Рита первая, кто побежит сдавать меня хозяйке этой кондитерской.

Рита возвращается к своему столу и берётся за раскатку теста. Скалка в её руках ходит по тесту так, будто то ей что-то задолжало.

– Я тебе по-доброму говорю, Зорина, – продолжает она. – Конкурс через неделю заканчивается. Полякова оставит одного кондитера из нас троих. И это буду я.

Может, и будет. Рита работает как конвейер, её десерты и выпечка – аккуратные, одинаковые и без единого лишнего грамма. У неё безе не плачет, тесто не рвётся, крем не оседает. У неё вообще всё почти идеально. Включая саму Риту.

С чёрного хода влетает Даша – наша третья и самая молодая.

– Девочки! Девочки, вы видели?! – верещит с порога.

Бедром впечатывается в стол с формами, охает, но телефон, который держит перед глазами, не выпускает. Подскочив ко мне, практически тычет экраном в лицо, и я отшатываюсь, потому что вижу только яркое размытое пятно. Отвожу Дашину руку подальше, чтобы хоть что-то разобрать.

На экране – парень в форме «Барсов», без шлема. Мокрые волосы зачёсаны назад, тёмные глаза, скулы, улыбка прямо в камеру. Это Артём Бортников – хоккеист и бурная фантазия Даши.

– Бортников сторис выложил с раскатки! – она произносит его фамилию так, как я произношу «бельгийский шоколад» – с придыханием и лёгкой дрожью в голосе. – Сегодня полуфинал, представляете? «Барсы» против «Легиона»! Говорят, билетов вообще нет!

– Даш, у тебя три корзинки с утра висят, – рычит на неё Рита.

– Я сделаю, сделаю! – отмахивается она. – Ась, ну тебе же хоккей хоть немного интересен, да?

В её глазах такая надежда, будто она ищет союзницу для крестового похода.

– Нуу... – протягиваю я, подбирая нужные слова. – Немного. Самую малость.

В детдоме мы по вечерам включали фигурное катание, потому что воспитательница Зинаида Павловна была без ума от Плющенко. И я любила кататься на коньках, когда нас, правда, крайне редко, вывозили на ледовый стадион. А хоккей – нет, прошёл как-то мимо.

Но, видимо, «самая малость» для Даши – это «О да, я обожаю горячих хоккеистов».

– Вот, глянь, – она взбудораженно листает фотографии составов команд. – Это наши «Барсы». А вот это «Легион». Москвичи.

Показывает мне их командное фото. Два ровных ряда здоровых мужиков. Лица серьёзные, плечи широченные, у половины носы набок.

– Подожди...

Сама тянусь к телефону и увеличиваю снимок на одном из лиц.

Да быть не может!

Он выше всех на полголовы. Тяжёлые брови, над одной – шрам. И взгляд. Этот взгляд я запомнила особенно чётко. Потому что он даже с экрана пробирает до мурашек.

Тот вчерашний мужчина. Тот самый, который стоял у прилавка и не мог выдавить из себя ни слова. Тот, который буравил меня странным взглядом, пока его друг весело трепался про безе.

– На кого ты уставилась? – спрашивает Даша, и я почему-то вздрагиваю и от её голоса.

Словно в гипноз впала от взгляда этого великана с экрана телефона.

Под фотографией – фамилии всех игроков «Легиона». №17 – Ломов Кирилл, нападающий. Вот кто он такой.

– Дай-ка мне.

Забираю у Даши телефон и нахожу второго – улыбчивого, темноволосого, со светлыми глазами и ямочками на щеках. Аварский Максим, нападающий, №23.

– Вот этот, – тыкаю пальцем в Ломова, потом в Аварского, – и вот этот. Они вчера вечером к нам заходили.

Кажется, Даша перестаёт дышать. Переводит взгляд с экрана на меня, потом обратно на экран.

– Хоккеисты «Легиона»... были здесь... в нашей кондитерской... и ты мне не написала?! – подрагивает её голосок. А потом в меня летит шквал вопросов: – Какие они вживую?! А Аварский правда такой красивый? Прямо с ямочками? А этот, Ломов – он реально вот такой здоровый?! И что они купили? Им понравилось у нас? Они ещё придут?

Она вцепляется в мой локоть и трясёт так, что у меня начинает кружиться голова.

– Даш...

– Ну расскажи-и-и! – тянет она, делая щенячьи глазки.

– Не знаю, придут или нет, – пожимаю плечами. – А выглядят так, как на фото. И этот... Ломов... реально здоровый.

Но я ловлю себя на том, что вспоминаю не рост и не огромные плечи, а руки. Большие, с разбитыми костяшками, с белыми полосками старых шрамов поперёк пальцев. Он не знал, куда их деть – то прятал в карманы, то клал на прилавок.

– И молчаливый, – выдыхаю зачем-то.

– Ой, всё! – Даша запрокидывает голову и прижимает телефон к груди. – Если они ещё раз зайдут, я умру прямо тут. За прилавком. Среди эклеров.

– Никто больше не зайдёт, – вклинивается Рита. – Поиграют и уедут в свою Москву. А мы останемся с тестом и конкурсом. Зорина, у тебя чизкейк на двенадцать стоит, безе через пятнадцать минут доставать. Может, хватит уже?

Рита права. Я всегда это признаю, даже когда не хочется.

Засовываю мысли про вчерашнего великана подальше – туда, куда обычно складываю все мысли о том, на что у меня нет денег или времени. Своя квартира, а не съёмная. Отпуск. Нормальные отношения с человеком, которого люблю.

Ломов Кирилл, нападающий, номер семнадцать – добро пожаловать в этот ящик, устраивайся поудобнее.

День идёт своим чередом. Чизкейк, безе, два корпоративных заказа, юбилейный торт на дегустацию... Между замесами я урываю три минуты, чтобы снять, как глазирую эклеры. Телефон стоит на полке, в кадре только руки и глазурь. Говорю почти шёпотом, потому что Рита работает в соседнем зале и слышит абсолютно всё.

– Глазурь должна быть как первый лёд на луже – тонкая, гладкая и чуть-чуть хрустящая. Если получилась мутная и толстая – значит, переварили. Не страшно. Съешьте этот эклер сами и сделайте новую партию. Я серьёзно. Кондитер, который не ест собственные ошибки – не настоящий кондитер.

Хихикаю тихонько, чтобы поднять себе настроение.

Ольга Петровна приходит в три. Проходит вдоль столов, молча заглядывает в журнал продаж, кивает и уходит к себе в кабинет. Это хороший знак. Когда Полякова молчит – значит, претензий нет. Когда есть – она говорит тихо, вежливо, с улыбкой. И от этой улыбки хочется провалиться сквозь кафельный пол.

Смена заканчивается в семь, сегодня до закрытия остаётся Рита. А Дашка убежала ещё раньше. Потому что у неё полуфинал, «Барсы», Бортников...

Я снимаю фартук, переобуваюсь из рабочих кед в ботинки. Надеваю куртку, вешаю на плечо рюкзак и выхожу через чёрный ход в вечерний Краснодар.

Завтра наконец выплусь. Блогом займусь. Мне на смену только к пяти вечера.

Медленно бредя на остановку, чувствую вибрацию в кармане куртки. На экране подпись – Валентина Сергеевна.

Так...

Она – воспитатель старшей группы в третьем детском доме. Когда-то была и моим воспитателем. А теперь я прихожу к ней волонтером и помогаю с ребятами. Вожу их на экскурсии, на мастер-классы – в общем, на всякие мероприятия, для которых вечно не хватает взрослых рук.

И она никогда не звонит просто так.

– Асенька, – голос у неё усталый, – выручай, золотце. Завтра наших старших пригласили на каток, на «Айсберг». Там хоккейная команда из Москвы, «Легион» какой-то. У них социальная программа – и нужны дети из подшефных учреждений. А у меня Марина Юрьевна на больничном, а Свету отправить не могу – она с младшей группой. Съездишь с ребятами?

Я подвисяю от этой просьбы.

Тот самый «Легион»? Где этот великан с пугающим взглядом?

Тяжело сглатываю.

Это что, Вселенная так издевается?

– Во сколько? – спрашиваю упавшим голосом.

Слово «нет» я так и не научилась произносить. Не для Валентины Сергеевны. Не для своих, детдомовских.

– В десять утра. Там Димка, Вова, Кристина, Лёха и Айгуль. Пятеро. Справишься?

Пятеро подростков из детдома на открытой тренировке хоккейной команды. Подростков, которые никому не доверяют, огрызаются на незнакомых и проверяют каждого взрослого на прочность. Я их знаю. Я сама такой была.

– Конечно, справлюсь, Валентина Сергеевна.

Забравшись в маршрутку, прижимаюсь виском к холодному стеклу. За окном проплывает вечерний Краснодар – огни, витрины, люди торопятся домой к своим. А я еду в съёмную однушку, где меня ждут холодная батарея, полпачки сосисок в холодильнике и соседский рыжий кот с рваным ухом, который разделяет со мной вечерние трапезы.

Телефон вновь вибрирует, на этот раз сообщением от Даши.

«Посмотри, что я нашла!»

И следом прилетает фотография того самого «Легиона». Только теперь не официальная, а с какой-то фотосессии.

Кажется, у меня краснеют не только щёки, но и уши. Потому что на фотках эти здоровые мужики по пояс голые. И, конечно, мой взгляд падает на самую внушительную фигуру среди них.

По его мощным рукам тянутся татуировки, переходя на плечи и шею. Торс словно сделан из стали. И взгляд здесь не тяжёлый, а какой-то проникновенный.

Надо мной кто-то прокашливается. Гашу экран и поднимаю глаза. Сверху на меня смотрит какой-то парень, выгнув одну бровь.

Теперь не только уши у меня красные. Наверняка я покраснела до корней волос.

Глава 3. Трудные ребята.

Ася

– Вообще не вижу прикола в этом тупом пиаре, – мрачно заявляет Лёша, рывком затягивая шнурки на коньках. – Лучше бы эти хоккеисты бабла нам отстегнули. Ну или ништяков каких прикупили.

– Сигарет, что ли? – ядовито ввинчивает Кристина. – Или на пиво тебе скинули?

– Ты идиотка, Крис, – огрызается Лёша. – И у тебя прям беда с фантазией. Соболезную. Мне кроссы новые надо.

– Облезешь, – тычет в него пальцем девчонка. – И вообще. Для тебя это всё тупо, а мне вот нравится. И хоккеисты нравятся. Прям очень нравятся.

От её тона с совершенно определённым подтекстом мне хочется изобразить рука-лицо. Всего шестнадцать лет девочке, а ей уже тридцатилетние хоккеисты «прям очень нравятся».

– Вы закончили? – повышаю голос, глядя на обоих из-за бортика.

Вова и Айгуль уже на льду. Я тоже. Только Димы не хватает – утром слёг с больным животом и не смог поехать. В результате на моём попечении всего четверо. Но вот эти двое, что переругиваются сейчас, дадут фору целому взводу.

– Закончили!.. – кривляется Кристина, пытаясь спародировать мои интонации. – Я, вообще-то, как лучше хотела. Сейчас нас будут снимать, а этот придурок будет вещать в камеру, что это всё тупо, что это всё сраный пиар. И вообще – дайте нам денег и купите мне кроссовки.

– Слушай, закройся! – рявкает на неё Лёша.

Она вспыхивает и смотрит на парня уничтожающе. А я вновь повышаю голос:

– В следующий раз в социальной программе будет участвовать средняя группа.

– А ты тут ничего не решаешь, – огрызается Кристина, наконец выходя на лёд.

А я в тысячный раз себе напоминаю – у них сейчас просто трудный возраст, не говоря уже о сложной жизни вообще. Может, я тоже такая была...

Хотя нет, не была. Меня пару раз брали в семью. Правда, оба раза возвращали. И я ломалась по-другому – не озлоблялась, а закрывалась в себе.

Кристина неуверенно передвигается по льду, держась за бортик. Перевожу взгляд на Лёшу – он всё ещё возится с коньками.

– Тебе помочь?

– Справлюсь, – отрубает, не глядя на меня.

Он в детском доме недавно. Осваивается пока. А Кристина – язва и правдорубка.

Вовка вот во мне души не чаёт ещё с тех пор, как я сама была там, а он был мелким. А Айгуль... она немного замкнутая и почти ни с кем не разговаривает.

Центральным участником этой социальной шоу-программы должен был стать как раз Димка, он у нас коммуникабельный парень. Но имеем то, что имеем.

В целом Алексей прав. Лучше бы просто финансово помогли детскому дому. Нужд там много, начиная от одежды получше и заканчивая элементарно какими-то вкусняшками. Но кого интересует мнение таких, как я?

Лёша всё-таки выходит на лёд. Держится он уверенно. Наматывает круги почти с техникой профи.

Я тоже катаюсь. Правда, не спеша. Давно не выходила на лёд, боюсь упасть. Да и за ребятами поглядываю. И на вход тоже.

Через полчаса должна приехать команда. А пока тут ещё несколько человек катаются, потому что с восьми до девяти открыты часы для всех желающих. Мы приехали пораньше.

– Ася! Ась! – зовёт меня Кристина. – А нам вообще обязательно быть на коньках? Я не хочу выглядеть как посмешище! Как видишь, у нас только Лёшенька такой ас.

Парень как раз проезжает мимо Кристины и тут же огрызается в ответ:

– Ну и припёрлась бы на каблах, чтобы самого Сафина соблазнять.

Она показывает ему средний палец, смакуя при этом его реакцию.

Вот кого они будут снимать для своего пиара! Трудных, очень трудных ребят, с которыми и воспитатели не всегда справляются. Мне жалко всех в этой ситуации.

– Лёш, будь мужчиной, – говорю ему, когда проезжает мимо. – Не реагируй, а.

Он останавливается, возвращается.

– Мужчиной я буду, когда женщину в ней увижу, – изрекает весьма неглупую вещь.

И снова едет мимо Кристины. А она вдруг делает странный выпад в его сторону. То ли толкнуть хотела, то ли просто припугнуть... В любом случае, Лёша реагирует. Дёрнувшись в сторону, запинаясь и падает. Прокатывается на боку почти два метра и замирает, не шевелясь.

У меня всё обрывается внутри. Бросаюсь к нему, падаю на колени.

– Бля... – стонет Лёша, не открывая глаз. – Вот же гадина какая. Как таких земля носит?..

– Где больно, Лёш? Что-то сломал? Головой ударился?

Суежливо пытаюсь его осмотреть, пощупать. И краем уха улавливаю мужские голоса, смех... Господи... «Легион» пожаловал.

К нам сразу кто-то подкатывает. Сначала я вижу мужские руки на щеках Лёши. Поднимаю взгляд и встречаюсь с тёмно-зелёными глазами Амира Сафина – их капитана.

Да-да. Я наводила справки.

Амир не обращает на меня внимания. Проверяет зрачки у Лёши, просит его посчитать пальцы.

– Если голова в порядке – жить будешь. А переломы мы поправим, – говорит он вроде бы шутя.

Но мне как-то не смешно.

– Да вроде норм, – начинает оживать Лёша, выкручиваясь из рук капитана.

Смотрит он на хоккеистов, выходящих на лёд, как волчонок. Злой и потерянный немного.

Каждый второй в детском доме такой. Особенно те, кто постарше, в первую пару лет пребывания там. А вот младшенькие, наоборот, поначалу тянутся к взрослым, пока не озлобятся.

– А ты у нас..? – спрашивает меня Сафин.

– Меня зовут Ася Зорина. Я – волонтер, помогаю детскому дому в организации вот таких мероприятий, – тараторю с преувеличенной радостью.

Вообще-то, от взгляда их капитана хочется сжаться и стать в два раза меньше.

– И сколько вас всего?

– Детей – четверо. Один приболел, к сожалению.

– Понятно, – Сафин оборачивается, поднимает руку и кричит кому-то: – Давай пять клюшек! Шлемы, защиту...

«Почему это пять?» – хочется выпалить мне. А потом до меня доходит, почему.

– Но...

Хочу сказать, что я тут просто присмотреть. Что не надо меня снимать и втягивать в пиар-кампанию. Но слова застревают в горле. И я, похоже, и правда становлюсь в два раза меньше... Потому что рядом со мной вдруг появляется Кирилл Ломов.

Задираю голову, чтобы посмотреть в эти пропасти – его тёмные глаза. И, нелепо улыbnувшись, выдавливаю:

– Здравствуйте.

Глава 4. Моя.

Ломов

На ней – голубой свитер размера на два больше, чем надо, с растянутыми рукавами, в которых она прячет свои руки. Волосы заделаны в какую-то растрёпанную шишку на макушке. На лице – ни капли макияжа.

Она молода. Очень. И я не должен залипать на этой голубоглазой девушке, потому что такая точно не для меня.

Но я ломаю к хуям все внутренние барьеры и не отвожу от неё глаз.

– Что это было, Лом? – посмеивается рядом Макс. – Что ты там нечленораздельное выдал на её «здрасьте»?

Хрен его знает. Вроде бы что-то между «привет» и «mmm».

Ничего не отвечаю. Аварский и не ждёт ответа, продолжая вещать:

– Ты посмотри, как мир тесен, а? Точнее – Краснодар. Вот в Москве бы хрен так повезло. Девчуля, которая оставила неизгладимое впечатление в моём сердце... да и в твоём тоже. Ну хотя бы наполеоном, мм? И вдруг оказывается, что она – волонтёр в нашем социальном проекте. Судьба, походу. Лом, малыш, улыбнись хотя бы. Она ведь смотрит.

И правда смотрит. Стоит, смущённо держа клюшку в руке, и смотрит. А Рогов, наш вратарь, облачает её в шлем и защиту.

– Хотя нет, не улыбайся, – вновь включается Макс. – Ты выглядишь как маньяк, выбравший себе жертву.

Перевожу тяжёлый взгляд на Аварского.

– У тебя есть ещё какие-то дела?

– Оо, это же целое предложение, Лом! Ты делаешь успехи. И, кстати, ты – моё дело. Курган просил заставить тебя быть частью команды, а не атрибутом, стоящим поодаль. А тут ещё и наша кондитерша...

Но тут он затыкается, увидев реальное бешенство на моём лице. Улыбка сходит с его лица, когда я тихо рычу «моя».

– Да хорош... – выдыхает растерянно. А потом начинает эмоционально шептать: – Ты чё, Ломов? Она ж малышка совсем. Ты чё с ней будешь делать? К кровати привязывать? Давай найдём тебе кого-то более... опытного, что ли, а? Есть у меня на примете одна эскортница. Помнишь, в прошлом сезоне здесь играли? У меня номерок остался где-то...

Снова осекается, увидев на моём лице именно то, что я транслирую.

Эскортница мне не нужна.

Макс сокрушённо качает головой и выдыхает:

– Пиздец...

Потом лупит меня в плечо.

– Тогда, блять, не стой! Рогов вон уже яйца свои к ней подкатывает.

И укатывает к Сафину и подросткам из детского дома.

Ловлю взгляд одной девчонки из них. Она смотрит на меня с опаской, а на Аварского – с восторгом. Вот такая между нами разница.

Начинается съёмка. Здесь медийка нашей команды и местный новостной канал.

Сафин, как и я, не мастер толкать речи, но с этим легко справляется Макс. Есть ещё наш седьмой номер Ильдар Маланьев, тоже любитель посветить фэйсом на камеру.

Рогов же никак не отлипнет от Аси. Они стоят в воротах, за спинами всех остальных. Подбираюсь ближе к ним.

Боброва, нашего тренера, сегодня нет. Вместо него – менеджер команды Филипп Курган. И это по его долбаной инициативе нас запрягли с показной социалкой.

Это не помощь детям, это просто пиар. И все это понимают. Но таковы реалии. В телике мы должны нравиться всем, даже тем, кому плевать на хоккей.

– Давай я легонько шайбу толкну, а ты попробуешь поймать, – уговаривает Асю Санёк Рогов. – Пусть снимут это, и тогда не придётся ничего говорить на камеру.

Она задумчиво кусает губы, потом кивает:

– Ладно, я попробую. Мне клюшкой её ловить?

– Да, просто отбивай, – сияет Рогов.

Я встаю за воротами. Веду взглядом по спине девушки, по её тонкой шее. И мне кажется, что кожа у неё покрывается мурашками от моего взгляда.

Ася оборачивается и как-то неуверенно улыбается мне. И я, наверное, должен сказать ей что-то лёгкое, обычное, нормальное. Но я, блять, не умею говорить.

В итоге выдыхаю:

– Ты как?

Ася внезапно разворачивается всем телом и опирается ладонью на ворота.

– Да я вообще не люблю такие мероприятия, – объясняет с улыбкой. – Хотя веду свой блог и не боюсь камеры, но этих операторов боюсь. Как вот это объяснить, а?

Она так красиво смеётся, и глаза так сияют за визором шлема, что я невольно дёргаю уголком губ.

– Хочешь, убежим? – выдаю внезапно для себя.

Мне кажется, Ася слегка вздрагивает. Прикусывает нижнюю губу, и в её глазах появляется что-то, очень похожее на страх.

Я перегнул.

– У меня же дети тут, – отвечает она, явно чувствуя неловкость. – Я же за них отвечаю. Молчу.

– И ещё я рассчитываю получить автографы от всей команды, – продолжает она щебетать, явно пытаясь разрядить обстановку.

– Ася, нас сейчас будут снимать, – говорит ей Рогов.

Глянув на меня напоследок извиняющимся взглядом, Ася отворачивается.

Камеры и правда направлены на ворота. Рогов толкает шайбу, Ася отбивает.

Я не вижу её лица, но вижу довольную рожу Рогова. И то, как он подмигивает девушке.

Потом операторы снимают, как Сафин ведёт шайбу к воротам вместе с Лёхой – одним из детдомовских мальчишек. И как Аварский учит держаться на коньках темноволосую девчонку Кристину. А ко мне подъезжает самый мелкий из них – Вова. Не моргая, пялится мне в лицо, задрал голову, а потом неуверенно произносит:

– И как стать таким великаном, как ты?

– Кушать больше.

– А серьёзно? – сводит брови вместе. – Я бы тоже стал тафгаем, как ты. Бил бы людей, мочил бы их о борт во время матча. Я видел тебя в деле. Вы вчера «Барсов» просто прикончили. Ты, наверное, всех перемалываешь, как в мясорубке. А если не в рамках игры, а? Можешь отхерачить кого-нибудь просто так? Да по-любому можешь! Наверное, и убить можешь, если удар не рассчитаешь. Ну чё? Есть покалеченные на твоём счету?

– Нет, – отрезаю коротко.

Но это не совсем так.

Глава 5. Он — моя пропасть.

Ася

К моему огромному счастью вся эта псевдотренировка быстро проходит.

Я, конечно, люблю кататься на коньках, но не под пристальным вниманием хоккейной команды, их менеджера, камер...

Сидим на первом ряду трибун с Кристиной и Айгуль. Мальчиков оставили пока на льду, им дают мастер-классы по ведению шайбы.

Вова буквально прилип к Ломову, с восторгом ему что-то рассказывает. А этот великан даже робкой улыбки ему не обронил. Словно он совсем не умеет улыбаться.

Хотя нет, умеет. Мне он вроде улыбался, когда предлагал сбежать.

Поверить не могу, что я и правда это слышала.

Давай, говорит, убежим.

Вот с ним?! Да у меня рядом с ним колени прям трясутся.

Но трясутся не трясутся, а я всё равно украдкой разглядываю Ломова Кирилла. Первый раз в кондитерской было сложно пялиться на него в упор.

Ну а внешность на фотографии всегда отличается от оригинала.

Сейчас на нём нет щитков и тяжёлой амуниции, одет он просто в форму.

Метра два в нём, не меньше. Широченные плечи, крупные ладони, бычья шея, массивная грудная клетка. В общем, впечатляющая фигура — это я помню по той фотке от Даши.

Господи, Даша... Она ж дар речи потеряет, когда узнает о том, что я видела всю команду вживую.

Мелькает шальная мысль «а может пригласить их всех в нашу кондитерскую?»

А что? Угостить чем-то вкусеньким. Может нашу страничку в соцсетях пропиарят. И Дашка будет счастлива. Хоть немного скрашу ей горечь от вчерашнего проигрыша Барсов.

Об их проигрыше я узнала тоже от неё. Прямо перед сном она завалила меня рыдающими смайликами и стикерами, а потом коротко написала: «3-1, не в нашу пользу».

Я не очень разбираюсь во всех этих полуфиналах, но вроде как это не последняя игра с Барсами и у них есть ещё шанс отыгаться.

Внезапно Ломов оборачивается и его взгляд устремляется на меня. Потупив взор, разглядываю отсутствие маникюра на своих руках. Макушку долго жжёт от тяжёлого взгляда его глаз.

А когда жжение проходит, отваживаюсь поднять глаза.

Ух...

Вова вновь завладел вниманием этого великана, и больше он на меня не смотрит.

— Надо раскрутить их на ужин в каком-нибудь крутом ресторане, — заявляет вдруг Кристина, прищурившись разглядывая кого-то из команды.

Не пойму кого, но этот взгляд слишком взрослый для шестнадцатилетней девочки.

— Какой ужин? Ты что? — одариваю её строгим взглядом. — Вам дали покататься, пофоткаться с командой, сейчас вон автографы раздадут и поедем.

— Этого мало, — дует она губы. — У них есть бабки. Много, понимаешь? Чё им стоит потратить на нас — бедных и несчастных?

Айгуль, сидящая по правую от меня руку, начинает беспокойно ёрзать и, нагнувшись вперёд, смотрит на Кристину.

— Это низко, Крис, — говорит ей, поморщившись. — Ты чё, голодаешь?

— А в чём низость-то? Когда у нас ещё будет шанс выбраться из этой дыры под названием «детский дом» и пойти в приличное место? Правильно! Никогда! Короче... — деловито приосанивается, — у меня есть план, как это всё проверить.

Она вновь поглядывает на хоккеистов, и теперь я понимаю, на ком конкретно застряло её внимание. На Аварском.

Ну конечно же. Он самый располагающий, можно сказать обаятельный. Кристина приняла часть пиара за неподдельный интерес этого мужчины к детдомовским детишкам. Может и ещё с чем-то перепутала.

— Сунешься к нему, и заведующая будет в курсе, поняла? — говорю тихо, чтобы не слышала Айгуль.

— И что она мне сделает? — выгибает бровь девчонка. — В угол поставит? Ты же лучше меня знаешь, Ася, что рычагов давления на старшую группу нет никаких. Через пару лет мне дадут пинка под зад. И уже сейчас надо задумываться о своём будущем, ясно?

Сказав всё это, Кристина снимает чехлы с коньков и уверенно встаёт.

Я тяну её за локоть обратно, но она вырывается и выходит на лёд. Медленно и уверенно подбирается к хоккеистам. Те как раз расписываются на клюшках, и Вова с Лёхой получают свои экземпляры первыми.

— А можно мне вашу... эмм... футболку с автографом? — доносится до меня голос этой... этой нахалки.

Она обращается к Аварскому, но тот, странно посмотрев на неё, видимо отшивает. Потому что получает она тоже клюшку.

А лучше бы клюшкой по пятой точке.

— Айгуль, пойдём на лёд, — хватаю вторую девочку за руку.

Она явно не хочет больше кататься. Да и я не хочу. Но ради неё мне тоже приходится вновь скользить по льду.

И я держусь в сторонке, пока камеры снимают ребят с их трофеями в виде клюшек.

Мой взгляд всё время возвращается к Ломову почему-то. Может потому, что он сильно выделяется своим ростом на фоне остальных. Или просто людям иногда необходимо пощекотать себе нервишки. Некоторые прыгают в пропасть с тарзанки, а я даже не представляю, как можно подойти к краю и посмотреть вниз — в эту самую пропасть. Не говоря уже о том, чтобы сделать шаг и добровольно упасть.

Кирилл Ломов — моя пропасть сегодня, похоже. И я щекочу себе нервишки, поглядывая на него искоса. А всё равно что смотрю вниз, готовясь к падению.

Мурашки так и бегут по шее и позвоночнику.

— Ну что, Ась! В ресторан? — вдруг подкатывает ко мне Саша Рогов.

— В ресторан? — повторяю, едва шевеля онемевшим языком.

— Да. Отличная идея, кстати. Детей надо накормить. Молодец Кристина. Не смутилась и призналась, что голодная. И что в детском доме не доедает.

Моё лицо нервно вздрагивает, губы пытаются улыбнуться. Надо просто сказать, что Кристина пошутила. Сказать, что никакого ресторана не будет. И лимит нашей прогулки ограничен. Но ребята так радостно вопят в предвкушении поездки в ресторан, что я не могу их так обломать.

— Нормально их кормят, — выдыхаю я, внезапно попав в плен тёмных глаз Ломова.

Он стоит у ворот, скрестив руки на груди. Лицо каменное, взгляд тяжёлый, ноздри агрессивно подрагивают.

А потом он отрывается от ворот и двигается к нам...

Глава 6. Долбанный сталкер.

Ломов

Я могу понять Рогова. Здесь, на льду, дети и она притягивают к себе всё внимание. А она – очень красивая девушка. Красива той естественной красотой, которая не требует фильтров, пластики и всякого вмешательства косметологов.

Она – эксклюзив. А у Рогова есть, блять, глаза. И его глаза сейчас пожирают её, буквально раздевают.

Мой внутренний зверь рычит «моя», и я отрываюсь от ворот.

– Ты не расписался на последней, – перехватывает меня Сафин с клюшкой в руках.

Торможу. Последняя клюшка для Аси. Она же говорила, что хочет получить автографы. Забираю клюшку, маркер и, кивнув капитану, подъезжаю к этим двоим.

Рогов вещает что-то про медийку, но Ася его уже не слушает. Широко распахнутыми глазами смотрит на меня снизу вверх.

Возможно, я подъехал слишком близко. Возможно, я заслоняю ей свет своей фигурой...

– ... такие проекты вообще очень популярны и имеют хороший отклик.

Санёк наконец затыкается, и я слышу, как его подзывает Аварский. Как Курган зовёт всех для финального фото на льду. Как лезвия коньков рассекают лёд. Как долбит собственное сердце, я тоже слышу. Но не слышу ни единой мысли в голове и совершенно не представляю, что должен сказать, блять...

Ступор. Я в полнейшем, блять, ступоре, молча стою перед красивой девушкой. И проваливаюсь в её голубые, почти синие глаза. Всё глубже и глубже.

– Это... мне? – тянет руку к клюшке Ася.

– Да.

Клюшка переключается к ней. Она разглядывает подписи игроков, проводит пальчиками по размашистой росписи Сафина, по строчкам-пожеланиям от Аварского, по глупым сердечкам от Маланьева. А я, выбравшись наконец из плена её глаз, хрипло выдаю:

– Я ещё не расписался.

Она вновь поднимает взгляд и отдаёт клюшку обратно. Уголок её губ нервно вздрагивает.

– Надо это исправить.

Пишу на клюшке «Ломов», почти не отрывая взгляда от лица девушки. Между нами висит плотное напряжение, которое можно было бы перепутать с сексуальным. Но нет, это её страх, перемешанный с моим бешеным желанием сократить расстояние между нами до необратимого минимума. Но я не знаю, как это сделать.

Я не умею, сука, нравиться.

Моя бывшая жена когда-то сделала всё сама за нас обоих. Быстро расположив меня к себе, осталась со мной после первой ночи. Приняла меня таким, каким я был. К тому же тогда я всё же был другим... Это уже потом пошли головняки... в виде операции и последовавших за ней сложностей.

Мой мир тогда начал схлопываться, но я как-то умудрился просочиться в тонкую щель, оставшись с этой стороны реальности. Правда, стал при этом определённо худшей версией себя.

Нина очень скоро перестала питать надежду, что я когда-нибудь стану соответствовать её идеалу правильного мужа. А я больше не питал надежд, что смогу желать кого-то вот так – как Асю.

– Спасибо. Даже не знаю, что теперь делать с таким богатством, – она всё-таки улыбается, прижимая клюшку к груди. – Вдруг её кто-то украдёт?

Я уже открываю рот, чтобы ответить, что вырву ноги и руки этому смертнику, когда за спиной раздаётся голос Макса:

– Последняя фотка, Лом – и поехали в рестик.

Ася выглядывает из-за меня и смотрит на Макса, сделав щенячьи глазки.

– А мне тоже надо фотографироваться?

– Само собой, – отрубает он.

– Блин...

Посмотрев на меня извиняющимся взглядом, Ася послушно катится к центру катка. Я двигаюсь за ней, переглядываясь с Аварским.

Он напряжён. Не знаю, почему. Может, ему надоела эта пиар-акция из-за навязчивого внимания девочки-подростка. Но, скорее всего, он просто в ахуе от меня. Потому что видит на моём лице то, что я транслирую всей команде. «Не подходите, блять. Она моя».

Да, я веду себя как долбаный сталкер. Или её охранник, следующий за ней по пятам.

Команда выстраивается в ряд перед камерами, детей и Асю ставят перед нами. Моя трансляция, видимо, подействовала, и Духов словно невзначай меняется со мной местами, чтобы Ася оказалась прямо передо мной. Нас фотографируют, просят улыбаться, быть расслабленными.

Упираюсь взглядом в её шею и напряжённые лопатки.

– Положите руки на плечи детей, – командуют пиарщики.

Дотрагиваюсь ладонью до плеча Аси. Потом кладу и вторую руку. Чувствую, как девушка вздрагивает. Вдавливая пальцы в её пушистый свитер, слегка подтягиваю Асю ближе к себе, и она касается спиной моей груди.

Дети кривляются, команда тоже. Кто-то делает рожки, кто-то показывает язык. А мы с Асей стоим неподвижно. Её тело явственно подрагивает, и эта вибрация проходит и по мне. Но я всё игнорирую, эгоистично потворствуя своим желаниям.

Я её хочу.

Такую тоненькую, хрупкую...

Что я буду, блять, с ней делать?

Фотосессия заканчивается. Ася быстро выпархивает из моих рук и катится к Кристине. Берёт девочку за руку, выводит со льда. Выглядит это так, будто она убегает.

От меня бежит, да.

Ни разу не обернувшись, занимается своими подопечными, пока мы покидаем лёд.

– В автобус пошли, Лом, – толкает меня в спину Сафин.

– Отличная идея, – к нему подключается и Макс.

– Аварский, что с ним? Можешь сказать? – голос у капитана слегка охуевший.

Амир тоже отлично меня знает.

– А что с ним? – уточняет Макс невинно. – Всё, как всегда. Хмурая большая глыба... Лом честно пытался выглядеть располагающе сегодня. Ну не знает он, как это – «располагающе». Учится быть приветливым. А тут уж как вышло.

– Ты чё несёшь, блять? – морщится Сафин. – Вы можете нормально сказать, что происходит?

Но Амира подзывает Курган, обрывая разговор на самом интересном. На моём признании, что я сошёл с ума и помешался на двадцатилетке. Ну или сколько там ей?

– Хорош уже, Лом! Ведёшь себя как сталкер. Пугающий до жути сталкер, – негромко вещает Макс, когда идём с ним к автобусу. – Ты можешь хоть немного рожу свою расслабить, а? Вот будь я бабой, я бы уже в судебном порядке запретил тебе приближаться к себе.

Блять... Всё так плохо, да?

Ну, походу, да.

В автобусе Макс продолжает втирать вполголоса:

– Если прям реально понравилась – общайся. Но не трогай. Не надо тебе её трогать, Лом. Ни руками, ни членом. Ты меня слышишь?

Не слышу. Мой взгляд застрял на входной двери.

Наконец Ася появляется в автобусе в сопровождении Кургана и детей. Он ведёт их всех назад. Ася двигается между рядами, вежливо всем улыбаясь. Задерживается на мгновение рядом с Роговым, отвечая ему на какой-то вопрос.

Я не слышу, о чём они говорят, продолжая сверлить её глазами. Вдруг наши взгляды сталкиваются, и она свой не отводит. Смотрит... странно. Будто говорит глазами, что не собирается меня бояться. Будто понимает и принимает то, что между нами происходит. И то, что может произойти.

Ну или я потерялся в собственных желаниях и неправильно трактую её месседж.

Однако Макс, походу, тоже примерно так же его трактует, потому что протягивает тихо:

– Оо... А девочка-то экстремалка. Помогите нам всем, господи...

– Аминь, – роняю я.

Глава 7. Что ему нужно?

Ася

Нервно потирая переносицу, изучаю ресторанное меню. И ни черта не вижу.

Буквы пляшут и с трудом складываются в какие-то смутно знакомые слова.

Вержус, демиглас, жю, понзу, юдзу...

Ох, блин, как неудобно.

Что-то из этого мелькало в кулинарных блогах, что-то слышала краем уха на курсах, которые мне оплатила биржа труда после выпуска из детдома. Но два месяца интенсива — это бисквиты, муссы, темперирование шоколада. Всё остальное добирала сама по ночам после смен. А ресторанная кухня — совсем другая вселенная. Я в таких местах никогда не была. Даже на пороге не стояла.

А Кристина наверняка ткнёт сейчас пальцем в самое дорогое, чем опозорит меня ещё больше.

Сидит как раз напротив меня рядом с Аварским. А Ломов — по другую его руку. И в меню он не смотрит, его взгляд буквально приплавился к моей скуле. А может, не только к скуле. Вообще-то, у меня покалывает всё тело. И я безуспешно пытаюсь спрятать свои руки с коротко обрезанными ногтями в растянутых рукавах старой кофты.

Ну какой ресторан, господи, с таким-то «луком»? Тут вон — красивые богатые люди вокруг.

Место хоккеисты выбрали самое-самое в нашем городе. Vertigo! Что переводится как головокружение.

Вот уж тут попали в точку с выбором, голова моя и правда кружится.

Вова с Лёшкой уже что-то там выбрали. Айгуль тоже ткнула в меню, даже не читая. Кристина, развалившись на стуле, деловито листает страницы и докапывается до Аварского, спрашивая о том, какое у него любимое блюдо.

И тут ещё у нас пиарщики за соседним столом. Сказали, что сделают несколько фоток нашего обеда и уедут.

— Помочь, Ась? — спрашивает меня капитан команды, вытеснивший Рогова и севший слева от меня, как раз напротив Ломова.

— Да, было бы неплохо, — робко улыбаюсь я, переводя взгляд на Амира Сафина.

Но в поле моего взгляда почему-то попадает лицо Кирилла.

Я понятия не имею, что от меня нужно этому мужчине. Когда я зашла в автобус специально посмотрела прямо на него. И не отводила глаз, пытаюсь показать, что готова его выслушать.

Чего он хочет?

Его ладони до сих пор лежат фантомной тяжестью на моих плечах. И я будто всё ещё слышу его тяжёлое дыхание над моей макушкой. И каменный торс, в который я упёрлась спиной, когда он меня просто взял и притянул к себе, я тоже запомнила.

Ведь совсем не этого хотели от нас пиарщики. И не для них он это сделал.

Сейчас я тоже смотрю на мужчину вопросительно. Ну просто... хватит уже!

Если он решил меня напугать, у него это получилось.

Если он таким образом знакомится, то это очень плохой подход.

Если он на что-то там рассчитывает — то, скорее всего, мимо. Мне не нужно секс-приключение с хоккеистом на недельку или чуть больше.

Да и какой со мной может быть секс, господи? Я ж как инопланетянка в этом вопросе!

С первым и единственным моим парнем у нас что-то там было. Но мы расстались через пару месяцев, потому что я вечно работаю или помогаю в детском доме. А ему нужно было тусоваться, что, в принципе, нормально для нашего возраста. Просто не все люди могут позволить себе тусовки.

– Вот это звучит неплохо, – стучит пальцем в строчку в меню Сафин.

Я читаю «Карпаччо из осьминога с соусом понзу» и, не сдержавшись, морщусь. Мне кажется, Амир просто прикалывается надо мной... Перевернув страницу, он находит ещё что-то в этом же духе. Только не из осьминога, а из гребешков с каким-то там юдзу.

Тихо прыснув, качаю головой.

– Да я, вообще-то, просто не голодная, – произношу извиняющимся тоном.

Амир смеётся. Красиво так, демонстрируя белоснежные зубы.

Внезапно Кирилл забирает у него меню и делает это довольно резко. Взмахнув рукой, подзывает официанта, и тот подходит с другой стороны прямо к нему. Ломов говорит что-то негромко и довольно коротко. Потом бросает на меня взгляд и тихо сообщает:

– Я заказал.

Вот так.

Он заказал за меня, не имея понятия, что я люблю.

Но я ему благодарна на самом деле. Просто этот его поступок смущает. И не меня одну. На нашей половине стола наступает довольно неловкое молчание, в то время как на другой половине – и смех, и шутки, и самолётики из салфеток летают.

Аварский поглядывает то на капитана, то на Ломова, то на меня. Скосив глаза, тоже смотрю на Сафина. Он хмурит брови, буквально просвечивая взглядом Максима. А тот зачем-то разводит руками и качает головой.

У них словно есть свои жесты для общения. А может, так и есть, и они понимают друг друга лишь по взглядам.

А вот Кирилл – без изменений. Ему, кажется, до лампочки некая перепалка друзей. Он по-прежнему сосредоточен на мне.

Когда этот сумасшедший день закончится, а?

Наконец Кристина определяется с выбором, и Амир заказывает еду для оставшихся с нашей половины стола.

– А сколько ждать? – ёрзает на стуле Кристина. – Я про десерт забыла. Так сладкого хочется. Но только не мороженое, я замёрзла. Мм... Может, «Прагу»? Или «Наполеон»?

– «Наполеон» – тема, – довольно хмыкает Аварский.

Подозвав официанта, заказывает для всех десерт, а потом вдруг изрекает:

– Всё равно вкуснее, чем у Аси, нет. Она – волшебница, а не просто кондитер.

Его слышит весь стол, и в мою сторону тут же летят вопросы.

– Где можно попробовать твои шедевры?

– Может, торт какой замутишь тематический, с клюшками? Боброву задарим, у него день рождения через два дня.

– Точно-точно. Идея – огонь. Ась! Колись, где работаешь.

А Вова зачем-то ещё больше меня пиарит:

– Ася ведёт свой блог. И она на заказ тоже делает.

Хочу пнуть его под столом, но не дотягиваюсь. Потому что это неправда. Я не пеку на заказ, у меня нет оборудования. А в кондитерской нельзя брать левые заказы.

Поспешно вставляю:

– На заказ делаю не я, а наша кондитерская.

Но, кажется, никого уже не интересуют детали.

– Как блог называется? – роется в телефоне Аварский.

И я, покраснев ещё больше, выдыхаю:

– Ася Заря.

– О, нашёл, – заявляет Рогов. – Подписался, отрепостил. Ну всё, жди наплыва подписоты.

– Наплыв будет, когда она торт Боброву сделает, – заявляет Духов.

Я запомнила, кто есть кто, когда их менеджер всё время дёргал их по фамилиям. Кстати, Филипп Курган не остался обедать, проводил до ресторана и пересел на такси. Без него я чувствую себя не совсем безопасно. Словно именно он мог сдерживать одного великана-хоккеиста от подкатов в мою сторону.

«Но тут же ещё есть капитан», – напоминаю себе.

Пока ждём свои заказы, вся команда активно лайкает мою страницу. Все, кроме Кирилла. И это... немного задевает. У него что, телефона нет?

И вот я снова, как в автобусе, смотрю на него в упор.

Хмурый, со щетиной, которая наверняка жутко колется, со старым шрамом над бровью. Его нельзя назвать красивым, если исходить из общепринятых норм красоты. Но... Он всё-таки красивый. Запоминающиеся тёмные глаза, пухлые губы, тяжёлый мужественный подбородок.

А руки... У него такие руки, что, наверное, в его одной поместятся мои две. И пальцы у него красивые, и ногти.

Так, всё, завязывай, Ася! Куда это тебя понесло?

Но меня несёт и дальше, когда приносят еду, и я пробую вкуснейшее каре ягнёнка под каким-то пряным соусом, которое для меня заказал Кирилл Ломов.

Теперь мне даже и не хочется, чтобы этот сумасшедший день заканчивался.

Глава 8. То, что между нами началось.

Ломов

Она забавно щурится, когда пробует принесённое блюдо. Облизывает верхнюю губу, слизывая соус. Иногда поднимает на меня благодарный взгляд.

Мне не нужна её благодарность. Я бы взял кое-что другое.

Но как бы то ни было, приходится признать, что Аварский прав – членом в неё тыкать не надо. Иначе точно придётся привязывать к кровати.

За столом какая-то вакханалия творится... Сначала нас фотографируют в приличном антураже – отличный ресторан, великолепный обед... «Легион» кормит сирот! А потом кто-то запускает салфеткой в Маланьева – и понеслось... В итоге над столом начинают летать кусочки хлеба и овощей.

Пиарщики в восторге – вот он, живой контент. Но весело тут, походу, только Максу. У него эмоциональный возраст временами лет на тринадцать. А детдомовские смотрят на размазанную по столу еду с тихой жалостью. Стрёмно как-то, в общем.

Десерт проходит мимо меня. У меня он свой – Ася. Жру этот десерт глазами, сокрушаясь внутри себя от скоротечности времени.

– Кто ещё в уборную пойдёт? – спрашивает Ася у подопечных девочек, поднимаясь со стула.

Айгуль попросила проводить её.

– Я! – подсказывает Кристина, слишком явно опираясь на плечо Макса.

Когда девушки уходят, мы с ним переглядываемся. Аварский говорит одними губами:

– Этой девчонке нужен психолог. Или ремень.

– Родители, – бросаю я в ответ.

Вот кто ей нужен. Ни ремень, ни психолог не заменят того, что должно быть по умолчанию. Базовая потребность по Маслоу – безопасность и принадлежность. У этой девчонки нет ни того, ни другого. Отсюда весь цирк.

Макс закатывает глаза.

– Окей, родители и ремень. Психолог потом, – и добавляет уже серьёзным тоном: – У нас раскатка через час.

Сафин слышит, кивает, просит счёт. Который Аварский тут же перехватывает и расплачивается сам.

Макс у нас не просто хоккеист «Легиона», а наследник отцовской империи. Деньги для него не ресурс, а фон.

Аси нет уже минут десять. Детдомовские доедают десерты, полкоманды уже покинуло ресторан.

– Лом, ты помнишь, где находишься? – говорит мне Аварский, когда я, сам того не замечая, встаю из-за стола, собираясь идти на поиски Аси. – Давай без экстрима.

Не отвечаю. Мимо проплывают Кристина и Айгуль. Аси с ними нет. Пройдя через зал, выхожу в холл – и наконец-то вижу её. Ася говорит по телефону, стоя ко мне спиной и ноготком ковыряя фактурный рисунок на стене.

– Да всё в порядке у нас, Валентина Сергеевна, уже почти закончили. Мы в ресторане. Детей накормили. Угу... Да, все ведут себя прилично. Все. Кристина? Ну... она как всегда, да...

Кто-то из детдома. Не хочу мешать. Просто стою, прислонившись к противоположной стене, и смотрю на неё.

Она обводит узоры на стене пальчиком, слушая собеседницу. В какой-то момент резко вытягивает голову в плечи и оборачивается. Наши взгляды сталкиваются. Я физически чувствую её оцепенение. И вижу, как она с ним борется.

Выдавлив напряжённую улыбку, прислоняется спиной к стене. Зеркалит мою позу.

– Валентина Сергеевна, мы и на общественном транспорте доедем. Не надо Виктора дёргать, – продолжает разговор. – Какие билеты? – голос становится удивлённым. – На завтрашний матч? Да вы что! Начало в семь вечера? Хорошо, попробую отпроситься...

Заканчивает разговор, убирает телефон в карман джинсов и произносит, глядя на меня:

– Менеджер «Легиона» прислал пять приглашений билетов на завтрашний матч.

Слышу, как подрагивает её голос. Оторвавшись от стены, делаю уверенный шаг в сторону Аси. И ещё один. Подхожу почти вплотную к ней. Ася задирает голову, чтобы смотреть мне в глаза. Разница в росте – сантиметров сорок.

– Значит, это не последняя наша встреча, – говорю я.

Она нервно прикусывает нижнюю губу, щёки розовеют.

– Не последняя, – тихо выдыхает. – Я же ещё торт должна испечь. Доставки у нас нет, придётся доставлять самой.

Улыбается. И мне кажется, что довольно расслабленно улыбается, чего рядом со мной у женщин обычно не бывает. И я, форсируя то, что между нами происходит, касаюсь пальцами её щеки.

Улыбка Аси тут же гаснет. Губы приоткрываются от рваного вдоха.

Молча веду пальцами вниз, к шее. Хотя знаю, что надо словами...

Когда хочешь сказать девушке, что она тебе понравилась – открываешь рот и говоришь. Просто. Элементарно. Но слова не идут. В голове их тысяча, но старые триггеры стоят на страже и не выпускают ни одного. И я пользуюсь тем, что есть – руками, взглядом, телом.

Прижимаю Асю к стене. Она дрожит вполне естественно. На лице – коктейль разных эмоций: страх, удивление, сомнение. И что-то ещё, чему я боюсь дать название.

Должна бы спросить, какого чёрта я делаю. Но не спрашивает.

Почему?

Моя ладонь поднимается к её лицу, пальцы переползают на затылок, зарываются в волосы, которые она распустила. Её волосы – чистый шёлк.

– Ломов, бл..! – рывкает сзади Аварский.

Ася быстро проскальзывает под моей рукой и сбегает в зал, ни на кого не глядя.

Смотрю на Макса. Уничтожающе.

– Ты понимаешь, что это too much, Лом? – Аварский не отступает. – Девочка сюда детисшек привезла. Как волонтер. А наш тафгай её у стеночки уже готов поймать. Имей в другом месте. Встреть после работы, напросись в гости... Не знаю... В отель отвези, что ли. Но не здесь. Хорош капитана провоцировать на ненужные думы. Ты же знаешь, Амир не любит лирику перед важной игрой. И от тебя уж точно такой движухи не ожидает.

– Думаешь, она пойдёт со мной в отель? – спрашиваю я, отреагировав на то единственное, что зацепило во всём его трёпе.

Макс изображает фейспалм. Потом скрещивает руки на груди.

– Ну что тебе сказать, Лом... Правду? Окей. Шансы твои пятьдесят на пятьдесят. Либо пойдёт, либо не пойдёт.

И начинает ржать над своей дебильной шуткой.

Выходим на улицу, загружаемся в автобус. Раскатка через сорок минут, но мы всё равно подвозим детдомовских, делая крюк.

В автобусе Ася вновь сидит сзади, а меня развлекает Аватар.

– Глянь, Лом, – подсовывает мне свой телефон. – Тебе даже порнушку больше не надо. Достаточно один ролик про эклерчики посмотреть.

На экране видео с Асей. Её блог. И нет в этом видео ничего эротичного. Девушка прилично одета, ещё и в фартуке. Но... Есть что-то в её осанке, тонкой талии, в хрупких ключицах и лебединой шее. То, как прикусывает губу, когда задумывается на мгновение, читая комментарий подписчицы... Походу, это был прямой эфир, который Ася сохранила.

– Ну всё, потеряли пацана, – Макс вытягивает из моей руки свой телефон. – Но ты всё же инструктаж ей проведи, ладно?

Аварский чаще всего болтает фоном, и меня не задевают его поддёбки. Но вот про Асю задевают. Потому что, опять же – он прав. Она же неискушённая девочка, не шлюха, не эскортница. Скорее всего, реально сбежит.

Автобус тормозит у серого неприметного здания. Полкоманды выходит проводить – несут клюшки, шлемы, защиту с автографами. Рогов вещает:

– В общем, от Аси торт, да? Можно на раскатке послезавтра подарить. Ась, успеешь?

Она неуверенно кивает, плавая где-то в собственных мыслях. На меня не смотрит.

Хотя нет. Устаивает одним взглядом – когда проходит с детьми сквозь ворота. Коротким. Станным.

Этот взгляд – словно многоточие вместо точки. Будто она готова продолжать то, что между нами началось.

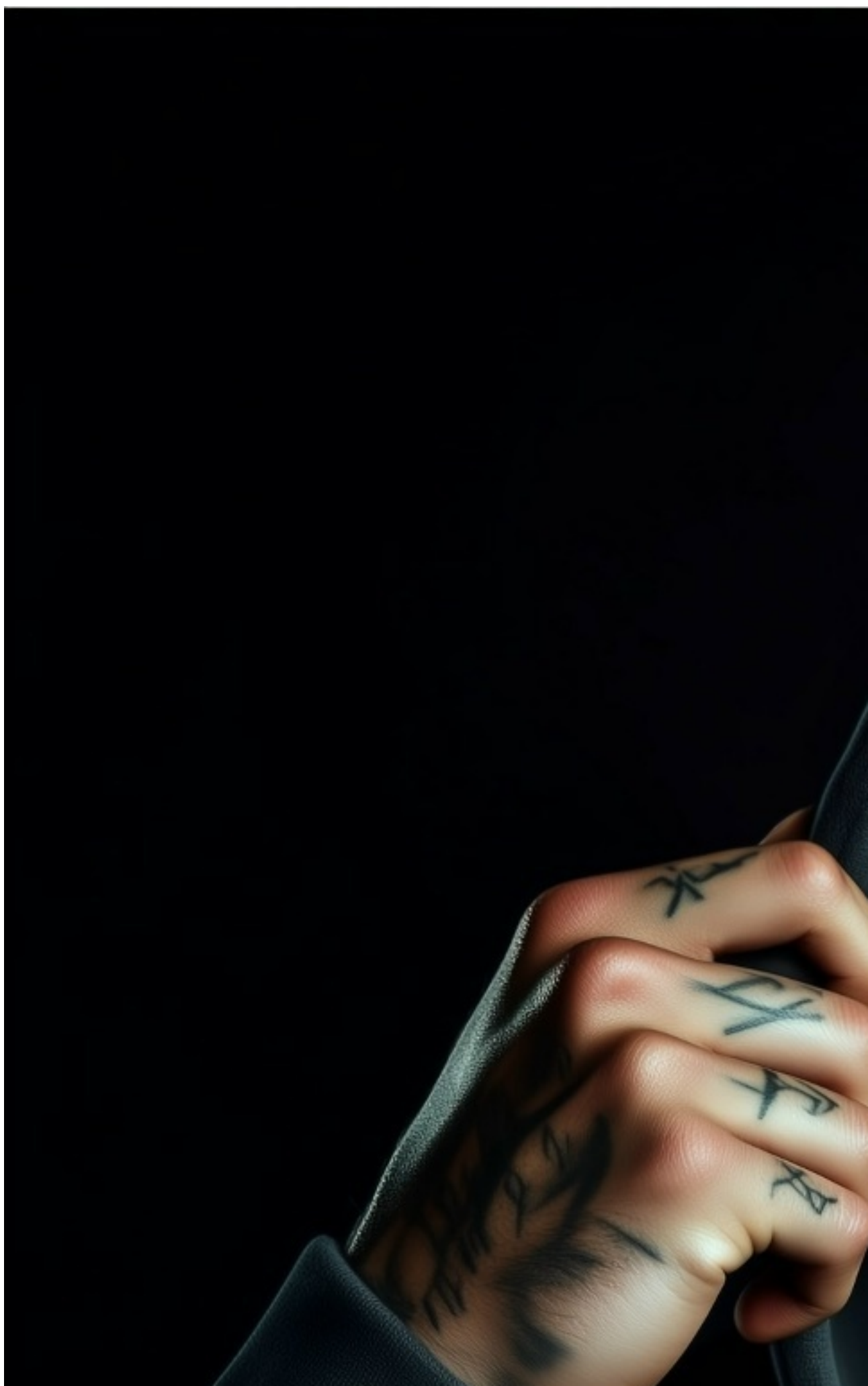
– Знаешь, что я тебе скажу, Лом, – негромко говорит Макс, когда идём обратно к автобусу, – тебе надо в строительный магаз заехать.

– Зачем?

– Стяжки значительно прочнее верёвки.

И снова ржёт, заходя в автобус.

Максим (Аватар) Аварский

Амир Сафин

Глава 9. С нами обоими что-то не так.

Ася

Я уже жутко опаздываю на работу, потому что Валентина Сергеевна никак не хотела меня отпустить. Всё расспрашивала – и про хоккеистов, и про поведение наших ребят.

Но больше про хоккеистов. Потому что она всё же женщина и явно фанатеет от красивых мужчин. И я, снова краснея, рассказывала ей и про каток, и про обед. А перед глазами стоял Ломов, и моя щека помнила его горячую ладонь на ней.

Зачем он это сделал?

Хотя все вопросы, связанные с поведением Кирилла Ломова, бессмысленны. Вероятно, он просто делает то, что считает нужным. Типа... Ну что такого, а? Ну подошёл, ну потрогал. Ничего неприличного ведь не было.

Хотя я могу поклясться, что даже один его палец, скользящий по моей скуле, в разы неприличнее того секса, который у меня случился всего несколько раз за всю жизнь.

По крайней мере, искры тогда так не летели, как сегодня от прикосновений Ломова.

Со мной явно что-то не так.

Или с ним.

Или с нами обоими.

Ну не коротит так друг от друга двух по сути незнакомых людей.

Но я предпочитаю подумать об этом потом. Прямо совсем потом. Потому что сейчас я жутко опаздываю.

Нервно шагаю туда-сюда возле ворот детского дома, пытаюсь вызвать такси. А Виктор всё заманивает меня к своей машине.

– Да пойдём уже, Ась!..

Виктор – сын Валентины Сергеевны, ему двадцать шесть. Можно сказать, что он рос вместе со мной в этом детском доме, но мы никогда не дружили.

– Спасибо, Вить. Не хочу тебя напрягать, – отмахиваюсь, глядя на экран телефона.

Там всплывает уведомление «У вас новый подписчик». И тут же ещё одно такое же. И ещё...

Воу! А что это происходит?

Захожу на свою страничку. Ещё вчера подписчиков было двести тридцать два. А сейчас почти пятьсот. Меня где-то рекламируют, или что?

– Ась, пошли, а? Мне всё равно по делам надо.

Поднимаю глаза на Виктора. Он одаривает меня вполне приятной улыбкой. И глаза у него красивые. Голубые-голубые.

– Ну ладно, – всё-таки сдаюсь. – Буду тебе очень благодарна.

– Сочтёмся, – криво ухмыляется он.

Симпатичная мордаха – это всё, что у него есть. А вот характер скверный.

Витя вообще не похож на свою мать. Валентина Сергеевна добрая, приятная, располагающая. А Виктор чаще всего отталкивает своим нахальным поведением. Когда мне было шестнадцать, он всё время пытался меня где-нибудь зажать. И продолжалось это почти целый год. Пока однажды я не огрела его лопатой по спине.

Тогда был жуткий скандал, ведь я его чуть не покалечила. Директриса грозила мне детской комнатой милиции. Но Валентина Сергеевна всё утрясла, претензий у неё ко мне не было.

После этого случая Виктор вёл себя иначе и больше не приставал. Но осадочек, как говорится, остался.

Сажусь в его машину – почти новенькое Шевроле. Ключку кладу на заднее сиденье.

– Тебе куда, Ась?

– В кондитерскую.

– Окей. Пристегнись.

Хватаюсь за ремень, пристёгиваюсь. Едем. Время от времени чувствую Витин взгляд на своих ногах.

– Ну и чё этот «Легион»? Типа московские выпендрёжники? – начинает разговор парень.

– Нет. Совсем не выпендрёжники. Все очень хорошие.

– Да это же социалка, Ась, – смеётся Витя.

И тон у него такой, будто хочет сказать, что я дура, перепутавшая доброту с показухой.

– И что? – возмущённо вспыхиваю я.

А телефон мой всё вибрирует и вибрирует, подписчики всё прибавляются. Мельком читаю последнее уведомление: «Новый подписчик Ломов Кирилл». Меня будто обдаёт кипятком, щёки вспыхивают.

Не решаюсь открыть профиль великана-хоккеиста при Вите. А он продолжает втирать:

– А то. Им же кровь из носу нужны такие проекты. Это привлекает новых спонсоров, а спонсоры – это бабки, тачки, популярность. Сейчас медийка рулит, вообще-то. СМИ может сделать из уголовного героя. И наоборот. И поверь мне, там дохера серых пятен в биографии каждого игрока. Сто процентов! Вот имиджмейкеры и напрягаются.

Я слушаю его с неприкрытым недовольством.

– Знаешь, Витя, моё дело маленькое – свозить детей, сделать всё, чтобы они получили новые хорошие впечатления. И вернуть в целости и сохранности. А какие там у хоккеистов серые пятна...

– И как? Получилось впечатлить? – хмыкает Витя.

– Слава богу – да.

– Кристина уже всем рассказывает, что идёт с одним из хоккеистов на свидание, – выдаёт он. – Говорит, что парня себе нашла. Или даже папика.

Я вздрагиваю, переводя на Витю недоверчивый взгляд. А он скашивает глаза на меня.

– Я это не придумал, Ась. Слышал, как она втирала подружкам в коридоре. Расхваливала его. Что хоть за мужик?

– Понятия не имею, о ком она, – бормочу, отворачиваясь.

Ну Кристина, блин!.. Вот это пиар она может устроить Аварскому. Надо бы его предупредить...

Но, с другой стороны, подставлю детский дом. Лучше с Кристиной сама поговорю.

Витя тормозит возле кондитерской. На часах – без пяти, я не опоздала.

– Спасибо, Вить!

Пытаюсь открыть дверь, но она не поддаётся. Разворачиваюсь к парню.

– Ась, подожди, – он подаётся чуть ближе, ставит локоть на консоль между нами. – Я уже очень давно хочу тебя пригласить...

– Нет! – выпаливаю, недослушав.

Он осуждающе качает головой.

– Я же не сказал, куда.

– Хорошо, скажи.

– Кулинарная ярмарка. Слышала о такой?

Вообще-то, да. Но она не у нас проходит, а в Москве. Там приезжают кондитеры из разных городов. Делятся самыми смелыми рецептами, которые не найдёшь в сети.

– Несмешно, Вить.

– А кто смеётся-то? На машине за сутки домчим. Отпросись с работы. Время у тебя есть, ярмарка через две недели.

– Я подумаю. Открой, пожалуйста, дверь.

Нехотя жмёт на кнопку центрального замка, и я выпархиваю из машины.

Ну какая ярмарка, блин? Наш отбор, или конкурс, как его называет Рита, скоро подойдёт к концу. И меня, скорее всего, уволят. Как и Дашку. А Рита останется. И ей в помощь наймут двух низкооплачиваемых подневольных.

Вот такой план у нашей Поляковой. Держать трёх кондитеров по нормальной ставке она не будет. Её покойный отец вёл дела иначе, но теперь – увы и ах.

Отвлекаюсь от безрадостных мыслей на вибрацию телефона. Кирилл Ломов отлайкал моё последнее видео.

Ну ничего себе!..

Мои щёки вновь вспыхивают. И я трачу ещё минут пять, зависнув на его страничке и окончательно опаздывая.

Фоток тут немного. В основном командные, с игр. А вот подписчиков – почти сотня тысяч.

Быстро пролистываю все альбомы до последнего под названием «Реал». Там Кирилл Ломов явно моложе. Лет так на пять. А на некоторых фотках рядом с ним – очень эффектная блондинка. И, судя по тому, как она заглядывает ему в глаза, явно не сестра. Да и не фанатка.

Закрываю его профиль и бегу к заветной двери. Сейчас будет нагоняй от Поляковой.

В руках словно чего-то не хватает...

У двери кондитерской оборачиваюсь. Витя уже уехал. А я понимаю, что клюшку забыла его в машине.

Вот блин!

Глава 10. Я здоров и нездоров.

Ломов

Тело работает на автомате – разогрев, растяжка, короткие ускорения. А головы тут нет. Голова осталась там, у ворот серого здания, куда она увела детей.

Полчаса назад Ася была рядом, и я почти не мог трезво мыслить. Теперь, когда между нами целый город, разум начал медленно возвращаться, как кровь в руку, которую отлежал.

Аварский сказал – встретить после работы. Кондитерская, в которой она работает, закрывается в девять. Адрес я знаю, а ещё слышал, как она говорила Рогову, что сегодня работает во вторую смену. Можно дождаться Асю у входа, предложить поужинать. Нормальная программа нормального мужика, который хочет понравиться девушке.

Я мог бы. Физически – мог бы. Она бы, может, даже согласилась. Но дальше что?

Допустим, ресторан. Она сидит напротив. Свечи, меню, вежливый официант. И я – двухметровая глыба, которая молча сверлит её глазами весь вечер, потому что слова застревают где-то между лобной долей и языком. Она будет ждать разговора, шуток, лёгкости. А получит тишину и тяжёлый взгляд, от которого у женщин начинается нервный тик.

А потом?

Допустим, она не сбежит из ресторана. Допустим, случится чудо – и я выдавлю из себя хоть что-то, кроме «да», «нет» и «нормально». Допустим, провожу до дома. Мне захочется её коснуться – а мне захочется, я это знаю. Как знаю, что не остановлюсь на «коснуться».

Потому что я не останавливаюсь. В этом вся проблема.

Когда хочу – сносит. Голова отключается, тело берёт своё, и я становлюсь тем самым чудовищем, от которого сбегает жёны и визжат проститутки. Не потому, что хочу сделать больно. А потому, что в моменте не могу, блять, затормозить.

Ася... Она такая тоненькая, хрупкая. Я её просто сломаю. Не фигурально, а буквально.

– Лом! – голос Сафина раздаётся откуда-то сбоку. – Ты в игре вообще?

Торможу у борта. Амир скользит мимо, бросив короткий взгляд. Ничего не говорит, но я читаю по его лицу: «Соберись».

Собираюсь. Вминаю весь мысленный пиздец в дальний угол черепа и выхожу на следующий круг...

После тренировки едем в отель. В автобусе зависаю на её страничке: подписываюсь, ставлю лайк.

Перед ужином надолго застреваю в тренажёрном зале. Мне нужно вымотать себя до состояния, когда голова наконец заткнётся. Жим, тяга, приседания... Не на максимум, плей-офф не позволяет, но достаточно, чтобы мышцы загудели и вытеснили лишние мысли.

Макс тоже тут. Без напряжения качает пресс на лавке, одним глазом залипая в телефоне, а другим провожая каждую девицу, которая проходит мимо. Отель не из дешёвых, контингент тут соответствующий. Аварский улыбается каждой, перекидывается парой фраз, получает в ответ смешки и заинтересованные взгляды. Ему даже напрягаться не надо – бабы сами слетаются, как мотыльки на свет.

Мне бы так.

Он подсаживается на соседний тренажёр, когда я херачу на кроссовере. Всё ещё торчит в телефоне.

– А она реально хороша в этом своём блоге, – бросает как бы между прочим. – Прямой эфир сейчас. Глянуть хочешь?

Я молча ухожу на скамью для жима. Ложусь, берусь за штангу.

– Лом, может, поможем девочке раскатать блог? Это был бы нормальный подкат к ней.

Опускаю штангу на грудь, рывком поднимаю.

– Может, какую-нибудь фотосессию для её блога организовать? – продолжает он трепаться. – Она готовит, а «Легион» в кадре. Мм? Чё скажешь?

Я ничего не скажу.

Я ему сейчас башку откручу уже.

Добиваю последний подход и иду в ледяную купель. Четыре градуса. Тело обжигает, перехватывает дыхание, мышцы каменеют. Сажу по грудь в ледяной воде и чувствую, как отпускает. Не голову – голову ничем не отпускает. Хотя бы тело. Напряжение уходит из плеч, шеи, расслабляются челюсти, которые я стискивал весь день.

Макс ждёт в раздевалке. Смотрит на меня без улыбки, без поддёба.

– Кондитерская закрывается в девять. Ты пойдёшь?

– Нет.

– Почему?

– Потому что.

– «Потому что» – это не ответ. Днём ты чуть не сожрал её, а сейчас «нет»? Что изменилось?

Ничего. В том и проблема – ничего никогда не меняется. Днём я дотрагивался до неё, потому что тело, как всегда, опережало голову. Тело не думает, не подбирает слова, не буксует на полупhrase. А встретить после работы – это разговаривать, шутить. Быть нормальным.

– Лом, – голос Макса становится ещё серьёзнее, – ты здоров, брат. Хватит тянуть прошлый пиздец в своё настоящее.

– Я не тяну.

– Тянешь. Ты за эту менингиому держишься, как за костыль. Типа у тебя есть уважительная причина быть мудаком.

– Я не мудака. Я не могу, блять, нормально...

– Что? Говорить? Лом, ты сейчас со мной разговариваешь. Словами. Членораздельно. Без запинки.

Это другое. Макс – свой. С ним не надо стараться. А с ней...

– С ней ты тоже справишься, – говорит Аварский, будто читая мысли. – Она не ждёт от тебя стихов и серенад. Она же сама на тебя глазела с интересом. Она же не сука Нина. Не все такие, как Нина, понимаешь? Эта девочка, походу, готова принять тебя такого, какой ты есть. Вопрос: а ты готов?

Не отвечаю. Стою мокрый, в полотенце, и смотрю в пол.

Менингиома лобной доли – это звучало как приговор, хотя врачи говорили обратное. Доброкачественная, удалена полностью, прогноз благоприятный. В выписке написали «без осложнений». А я проснулся после наркоза и не узнал себя.

Нет, я помнил всё. Имя, фамилию, как зовут жену, счёт последнего матча. Интеллект не был повреждён – я по-прежнему мог читать людей, анализировать, выстраивать цепочки. Голова работала. Но между тем, что я думал, и тем, что мог произнести вслух, выросла бетонная стена.

Слова есть. Тысячи слов. Они роятся, толкаются, лезут друг на друга. Но на выходе – тишина. Или огрызок фразы, которая звучит грубее, чем задумывалась. Лобная доля – это не про ум. Это про всё остальное. Про способность начать разговор. Про контроль над тем, что хочется сделать прямо сейчас. Про умение не пугать людей одним своим присутствием.

До операции я был другим. Нет, не душа компании, тафгай есть тафгай. Но я мог нормально общаться. Мог сказать Нине, что люблю. Мог пошутить в раздевалке с парнями. Мог почувствовать грань между «нормально» и «ты всех напрягаешь, Лом».

После операции эта грань стёрлась. Нина смотрела на меня и видела человека с тем же лицом, но другой начинкой. Животным, как она стала меня называть. Я не стал хуже. Я стал другим. А это, блять, иногда страшнее.

– Нет, ты пойдёшь, – бросает Макс уже не вопросительно, выходя из раздевалки. – Я тебя знаю.

Сука. Знает он меня.

Достаю из шкафчика телефон, сажусь на лавку. Открываю Асин блог. Последняя запись – сохранённый прямой эфир. Врубаю.

Её голос льётся из динамика, в кадре – лицо крупным планом. Вижу, как сияют её глаза, как шевелятся губы. Слов почти не разбираю, залипнув на красивой картинке.

Ася мурлычет что-то приятное своим подписчикам, рассказывая, кажется, о креме для торта. И о том, что ей поступил интересный заказ, который она завтра будет готовить в прямом эфире.

Я вытираюсь, надеваю спортивный костюм и покидаю отель, точно зная, куда иду.

Сегодня мы с грустным Ломчиком просим поддержать историю звёздочками)

Глава 11. В вечернем сумраке намного волнительнее.

Ася

– Даш, у меня к тебе вопрос на миллион, – шепчу, поглядывая на Риту у кассы.

– Наличными? – смеётся Дашка, не отрываясь от коржей, которые прослаивает кремом.

– Эмм... что? Нет... – тоже тихо прыскаю. – Столько у меня нет, конечно.

Вообще нисколько нет. Не считая минимальных накоплений, которые я собираю последний год, откладывая по чуть-чуть, в надежде когда-нибудь купить крутую печь. А теперь, похоже, потрачу их на ингредиенты для торта, который должна сделать в подарок.

– Говори, Ась. Для тебя всё что угодно.

Меня трогает её доброта. И как бы ни хотелось обнаглеть и просто воспользоваться этой добротой, я всё-таки спрашиваю:

– Можно воспользоваться кухней у тебя дома?

Даша рассказывала, что у её родителей шикарная кухня с профессиональным оборудованием – встроенная печь с конвекцией, планетарный миксер, мраморная столешница, на которой идеально раскатывать тесто. Дашка любит готовить там даже больше, чем здесь.

Она откладывает шпатель и поворачивается ко мне.

– А что случилось?

– Мне нужно приготовить торт. Очень большой торт. Здесь не получится, сама понимаешь. А дома у меня духовка еле дышит. А торт мне нужен послезавтра. Хоккеисты... заказали.

Услышав слово «хоккеисты», она, кажется, перестаёт дышать. Да и вообще, это слово для Дашки обладает особенной магией.

– Хоккеисты? – переспрашивает с благоговением. – Какие хоккеисты, Ася?

Приходится рассказать и про социальную программу для детдомовских, и про ресторан. Стараюсь делать это достаточно коротко и сдержанно, чтобы Дашка не начала восторженно кричать на всю кондитерскую о том, почему я молчала раньше. Но она всё равно кричит:

– Ты была на льду с «Легионом»?! Сегодня?! Ася, блин! Ты хоть фотки сделала? Какие они? Горячие, да?!

Рита сзади многозначительно прокашливается, а Полякова выглядывает из своего кабинета. Нам с Дашей приходится разойтись по разным углам. Она возвращается к коржам, я – к миксеру.

Время от времени мы с ней переглядываемся. И когда наступает долгожданный перерыв, Даша тут же подходит ко мне.

– Насчёт кухни, Ась – конечно, можно! Несмотря на то, что «Легион» размазал моих любимых Барсиков, я их тоже очень люблю, – красноречиво играет бровями. – Что за торт? В честь чего?

– День рождения их тренера. Просили что-то с тематикой хоккея. Я уже подумала над эскизом. Вот!

Показываю ей в телефоне картинки, которые сделала при помощи нейросети. За основу взята форма «Легиона». Цвета: белый, тёмно-синий, красный. Звезда перед названием команды. Хоккейная клюшка и шайба – из шоколада и карамели.

– Что скажешь? – с надеждой смотрю на Дашку.

Мне её мнение очень важно. Потому что у девушки отменный вкус.

– Это прекрасно! – шепчет она восторженно. – И я готова помочь. Можно мне помочь? – теперь она смотрит с надеждой.

Я улыбаюсь.

– Было бы просто супер.

Дашка бросается мне на шею. Под тяжёлым взглядом Риты вновь расходимся.

Ближе к восьми поток покупателей стихает. Рита уходит домой, Полякова тоже уезжает. Даша домывает инвентарь. Я протираю витрину, расставляю оставшиеся пирожные поровнее и достаю телефон.

Прямые эфиры я чаще всего веду по вечерам, когда в кондитерской тихо, и свет из витрины даёт красивую картинку.

Пристраиваю телефон, проверяю ракурс. В кадре – я по грудь, за моей спиной видны полки с формами и банками со специями. Поправляю фартук, убираю прядь за ухо. Запускаю эфир.

– Привет всем, кто зашёл! Сегодня я без готовки, просто поболтаем. У меня день был... – делаю паузу, подбирая слово, – необычный. Очень необычный.

В чат сыплются приветствия и сердечки. Улыбаюсь, вспоминая и лёд, и ресторан. Пальцы машинально теребят завязку фартука.

– Мне поступил очень интересный заказ. Завтра буду печь торт. Большой, красивый, для особенных людей. Пока не скажу, для кого – пусть будет интрига. Но завтра покажу весь процесс в прямом эфире. С самого начала – от замеса теста до декора. Так что приходите, будет очень вкусно.

Болтаю ещё минут десять, отвечаю на вопросы в чате, рассказываю про крем, который сегодня варила на работе. Прощаюсь, выключаю эфир.

Перед закрытием – новый наплыв покупателей. К счастью, забирают почти всё из приготовленного за день. Без пяти девять Даша уже в куртке ждёт меня у двери.

– Ты на остановку, Ась?

– Можешь не ждать, я всё выключу.

– Да мне всё равно заняться нечем. Может, прогуляемся?

Я жутко устала, но не отказываю ей. Кивнув, снимаю фартук, складываю в шкафчик. Надеваю свитер, ветровку, выключаю свет на кухне, проверяю холодильники.

Выходим через заднюю дверь в переулок. Доходим до угла здания, и Даша вдруг хватается меня за локоть и начинает рьяно трясти.

– Ась!

– Что?

– Ась, там этот... Этот! – шепчет громко и с придыханием.

Смотрю туда, куда показывает Дашка. У фонаря напротив входа в кондитерскую стоит человек. Большой. Очень большой. В спортивном костюме, руки в карманах. И смотрит прямо на меня.

Я узнаю его мгновенно. Ещё до того, как вижу лицо. По силуэту, по тому, как он стоит – тяжело, неподвижно, будто врос в асфальт.

Ломов.

Сердце делает что-то лишнее. Пропускает удар или добавляет – не пойму.

– Это... – Дашка сжимает мой локоть ещё сильнее, сама того не осознавая. – Это же тот самый, да?

– Это Кирилл Ломов, – мой голос подрагивает.

– Он к тебе, что ли, пришёл?

Я тяжело сглатываю. Во рту быстро пересыхает.

– Скорее всего, да, – признаюсь себе и Дашке заодно.

И надо бы подойти к нему, но мы, как две дуры, стоим в тени от крыльца, хотя уже замечены Кириллом.

– Ась... я это... наверное, пойду, – выдыхает вдруг Дашка.

– Как это пойду? – возмущённо спрашиваю я, поворачиваясь к ней.

А она, порывисто меня обняв и чмокнув в щёку, говорит одними губами что-то типа «я тут явно лишняя» и сбегает.

Сбегает! Оставляя меня на этом тротуаре в вечернем сумраке наедине с великаном-хоккеистом.

Вообще-то, в этом сумраке видеть его намного волнительнее, чем при свете дня. А когда он начинает медленно приближаться ко мне, ноги просто становятся ватными. Видимо, сейчас я просто позорно грохнусь.

Вновь тяжело сглатываю и вместо того, чтобы грохнуться, иду в его сторону. Встречаемся с Кириллом под другим фонарём, и я задираю голову, чтобы посмотреть в лицо мужчине.

Его лицо сейчас вроде бы расслабленнее, чем было днём. Нет этой окаменевшей челюсти и плотно сжатых губ.

Он молчит, и я сама начинаю лепетать что-то невпопад, пытаюсь сгладить неловкость.

– Привет... Ты хотел в кондитерскую попасть? А мы вот только-только закрылись. Да и не осталось там ничего, всё раскупили, и...

– Я здесь уже полчаса, – перебивает Кирилл.

Замолкаю, часто моргая. А потом мои губы округляются, и я изумлённо выдыхаю «Ооо», когда он добавляет:

– За тобой пришёл.

Мне становится ещё более неловко.

Не ко мне, а за мной.

Боже...

– И куда ты хочешь меня забрать? – голос превращается в позорный писк.

– На свидание, – говорит Кирилл, его взгляд сползает на мою шею, потом ниже, и тут же возвращается к глазам. – В ресторан.

При этом слове сердце болезненно ухает вниз.

На мне позорный свитер, в котором я была на катке. Ему лет десять, наверное. Да и вообще весь мой вид – довольно измождённый – явно не для ресторана. Отрицательно мотаю головой.

– Не хочу в ресторан.

Кирилл хмурится. А мне тут же хочется извиниться. Наверное, это вышло резче, чем хотелось.

– Зато честно, – невесело хмыкает мужчина.

А я краснею. Он не так меня понял...

Да я и сама не понимаю ни его, ни себя... ни эту странную встречу. Особенно, когда он произносит:

– Иди, Ась.

Идти? А куда?

Но тут до меня доходит, куда. Он со мной прощается.

Засунув руки в карманы ветровки, ещё несколько секунд мнусь на месте, прежде чем выдавить «пока» и развернуться. Но и шага не успеваю сделать, как Кирилл хватает меня за локоть и разворачивает обратно.

Его челюсть вновь напряжена, а взгляд такой острый, словно способен физически поранить.

– Не голодна? – спрашивает Кирилл и сразу морщится, словно спросил что-то не то.

Одновременно и отрицательно качнув головой, и утвердительно кивая, выдыхаю:

– Голодна... Давай поедим не в ресторане.

Глава 12. Хочешь уйти?

Ломов

– Нуу... попрообуй! – смущённо улыбаясь, уговаривает меня Ася.

Опускаю взгляд на картонную коробку. Внутри сомнительная лапша с овощами, каким-то соусом и, кажется, с курицей.

– Обещаю тебе, никаких отравлений не будет. А всё, что рассказывают про это кафе – происки конкурентов, – уже вовсе хихикает девушка.

И вот прямо сейчас мне надо пошутить как-то. И сотни... сотни вариантов у меня в голове... Но я выдавливаю:

– Завтра игра.

Но, сука, совсем невесело у меня получилось. И вообще неинформативно.

Игра – и что? Что травануться сейчас будет явно лишним?

Несмешно, блять...

Ася сдувается.

– Ну давай куда-нибудь ещё пойдём, – говорит упавшим голосом, вяло ковыряясь китайскими палочками в коробке.

Я этими палками не умею, поэтому у меня пластиковая вилка. И мы не сели в той забегаловке, которую, видимо, обожает Ася. Ушли на лавку.

Это просто аллея рядом с дорогой. Мимо проезжают машины, проходят люди. Мы сидим на лавке без спинки лицом к друг к другу. Коробки с ужином и стаканчики с чаем между нами – как преграда, не позволяющая мне сесть ближе.

Пробую лапшу. Рядом с ней я готов жевать и булжники, но она этого не понимает. А я не умею такое объяснять.

Ася поднимает взгляд, видит, что я ем, и спрашивает:

– Ну как?

– Отлично.

Начинает робко улыбаться. Поддев палочками кусочек какого-то овоща – вроде это болгарский перец, подносит ко рту... А я жру её глазами и ничего не могу с этим поделать.

Между нами вновь нарастает неловкость. Хотя я не уверен, что было как-то по-другому за все тридцать минут нашего общения.

Прожевав, Ася вытирает губы салфеткой и немного приосанивается.

– И какой настрой на завтрашнюю игру? – теперь тон у неё слегка игривый.

– Мы победим.

– Так уверен? – приподнимает брови. – Моя подруга болеет за «Барсов».

– А ты? – подаюсь чуть ближе.

Сам не ведая, что хочу сделать, протягиваю руку к лицу девушки. Она не отшатывается, не вскакивает. Просто замирает и ждёт, что я сделаю дальше. А я придвигаюсь ещё ближе, касаюсь резинки на её волосах и стягиваю её вниз. Русые волосы Аси красивым водопадом рассыпаются по плечам и спине. Резинку я прячу себе в карман.

И я не знаю, что это, блять, было!

– Я... – она прячет взгляд под ресницами, – ух... я... чувствую себя странно.

Хорошо, что она в этом признаётся. Многие продолжают тупенько улыбаться и делать вид, что всё супер.

– Тебе хочется уйти? – спрашиваю прямо.

Ася прикусывает нижнюю губку и отворачивается. Её взгляд рассеянно скользит по проезжающим мимо машинам.

– Нет, – наконец тихо произносит она.

– Тогда ешь, – говорю я, набрасываясь на реально вкусную лапшу.

Или она стала вкуснее, когда я понял, что Ася от меня пока не убегает.

Неуверенно улыбнувшись, она тоже продолжает есть. И даже рассказывает мне про подружку Дашу и её любовь к «Барсам», мило жестикулируя при этом. И о том, что эта самая Даша будет помогать печь торт для Боброва. И ещё там что-то говорит...

Я перестаю понимать слова, зависнув на интонациях, на вибрациях её голоса. А взглядом упираюсь в красивые пухленькие губы.

Мне так делать категорически нельзя. Мысль о поцелуе может очень быстро перестать быть только мыслью. Грань между просто «хочу» и «хочу получить немедленно» – для меня это очень тонкая грань.

Как с пресловутой резинкой.

Для себя я отмечаю, что Асе очень идут распущенные волосы...

Усилием воли возвращаюсь в реальность и снова начинаю улавливать смысл её слов.

– ... и, отвечая на твой вопрос – да, я буду болеть за «Легион», несмотря на то, что «Барсы» – команда моего родного города.

– Значит, мы уже победили, – наконец говорю что-то стоящее.

Просияв, Ася тянется к моей пустой коробке.

– Давай я выброшу...

Но касается не картона, а моей руки. Инстинктивно ловлю её пальчики и удерживаю их, глядя девушке в глаза. Вижу, как увеличиваются её зрачки, делая глаза ярче и темнее.

– Кирилл... – подрагивает её голосок.

– Хочешь уйти?

Она качает головой и тут же осторожно вытягивает пальцы из моих. Собирает пустые коробки и относит к урне. Когда возвращается, я поднимаюсь с лавочки.

– Спасибо за ужин, – тихо говорит Ася, глядя на меня снизу вверх.

– Хочешь уйти? – вновь спрашиваю я.

А она опять качает головой. Пряча застенчивую улыбку, смотрит себе под ноги.

– Хочу прогуляться. Проводишь меня?

Просто проводить.

Но я слышу это как-то по-другому...

Мы бредём вдоль шоссе. Машины мешают мне её слушать. Ася время от времени ёжится, обнимая себя за плечи.

Замёрзла.

В итоге я ловлю такси. Садимся на заднее сиденье.

– Коммунистическая, 7, – говорит она очень тихо водителю, а на меня смотрит с недоумением.

Нет, я отдаю себе отчёт в том, что она меня к себе не приглашала. Наверное.

В тёмном салоне авто наши гляделки переходят на какой-то сверхновый уровень, и у меня начинает ехать крыша.

Асины глаза завораживающе блестят. Ресницы порхают. Губы слегка приоткрыты от неровного дыхания.

Когда тачка останавливается, Ася быстро вылезает из машины и идёт к подъезду серого безликого здания. Расплатившись, выхожу за ней.

Стоим на тротуаре.

– Я тут снимаю квартиру, – говорит она так, словно оправдывается. – Не всем детдомовским дают жильё... В общем, я не попала в эту госпрограмму, и вот – живу тут. Главное – недорого. И... недалеко от работы.

Детдомовская она. И ей как будто стыдно за это.

– Спасибо за вечер, Кирилл, – говорит она вдруг, отступая к двери подъезда. Собственное имя из её уст пиздец как вкусно звучит.

Неосознанно двигаюсь за ней. Меня держит её взгляд. И губы эти манящие. И это частое дыхание, от которого грудь девушки рвано подрагивает. И собственное имя... держит.

Не отпускают, блять, ну никак!

В следующую секунду я уже держу её в своих руках. Пальцы вдавливаются в рёбра, лицо вжимается в висок, нос зарывается в волосы.

Ася пахнет как бисквит. Голод мой усиливается в тысячу раз.

Ладони переползают вниз и обхватывают попку. Рывком поднимаю девушку, вжимаю её... вроде бы в дверь.

Нихуя не соображаю.

Нос скользит по её скуле, губы находят её губы.

– Ки...

Затыкаю ей рот. Мягкие, горячие, влажные губки трепещут под моими.

Чердак уезжает... Уже проваливаясь в какой-то бред, из последних сил пытаюсь остановить это крушение. Потому что чувствую, как девичьи ладошки импульсивно толкают меня в грудь.

Отстранившись, впиваюсь взглядом в её глаза. В них – шок. А губы обиженно подрагивают.

– Хочешь уйти? – хрипло выдыхаю я.

– Да...

Глава 13. Он уедет, а я останусь.

Ася

– Девушка, Вы будете это брать? – раздражённо уточняет какой-то мужчина за моей спиной.

Последние три банки маскарпоне на полке. Четыреста пятьдесят рублей за штуку.

Да, мне они нужны. Все три.

Молча складываю в тележку. Мужчина недовольно цокает за спиной.

– Ну хоть одну оставьте. Товар выложат лишь через час, я уточнял.

– Простите, не могу, – отвечаю, не глядя.

И быстро смываюсь из этого отдела.

Бездумно брожу по гиперу, ничего не видя перед собой. Тележка наполняется почти на автомате. Яйца, масло, сливки, сахар, мука – руки сами находят всё по списку. А голова не участвует, мысли витают совсем не здесь.

Я разбита в пух и прах. А мне ещё ехать в «Кондитер Про», потому что ни мастику, ни изомальт, ни нормальный шоколад здесь не купишь. А потом на работу. А вечером – на матч.

Матч. «Легион». Кирилл...

Господи... Что это было вообще?

Воспоминания о прошлом вечере обрушиваются снова. Хотя я муссировала их и всю ночь, и всё утро. А потом запретила себе об этом думать, потому что ну хватит уже!

И вот опять думаю. Даже до губ дотрагиваюсь машинально. Потому что их покалывает со вчерашнего вечера.

А ещё на моём подбородке и щеках остались царапины – отметины от прикосновения его жёсткой щетины. И мне пришлось замазывать их тональным кремом.

Останавливаюсь, заливнувшись на своём отражении в витрине холодильника. Это словно не я. Глаза какие-то бешеные, взгляд мечется.

Вот что он сделал, а? Просто взял и перевернул привычный мир с ног на голову.

Я и не думала, что можно вот так поцеловать. Так... словно весь мир застрял в этом моменте. И ничего больше нет. Ни дома, ни кондитерской, ни планов на завтра.

Я очень испугалась. И его, и себя. Сбежала, конечно... А он стоял, провожая меня тяжёлым взглядом. Наверное, подумал, что я какая-то неадекватная.

Вроде повода не давала к слишком вольному обращению с собой... Но и не остановила, когда он сел со мной в такси. И не попрощалась с ним в этом самом такси.

А должна была! Надо было просто сказать «спасибо» за вечер и за то, что проводил. И пожелать спокойной ночи. Тогда бы он не вышел за мной. И я бы не испытала того, что испытала.

На кассе стараюсь не смотреть на итоговую сумму. Но смотрю, конечно. Три двести.

В магазине для кондитеров всё происходит быстро и больно. Прощаюсь с деньгами, отсчитывая ещё две семьсот. Итого почти шесть. Печь мне в этом месяце точно не светит.

Даша ждёт меня у ворот их огромного дома. В мягком халате и смешных тапочках с мордами кроликов. Обнимаемся.

– Всё купила?

Она забирает у меня рюкзак.

– Почти. Формы для звезды нужного размера не было.

– Разберёмся, – отмахивается она.

Выгружаем всё из моего рюкзака. Родители Даши ещё не проснулись, на часах и девяти нет. Даша угощает меня свежесваренным кофе.

– Ты сегодня какая-то странная, Ась, – хитренько прищуривается. – Неужели тот великан так впечатлил, мм?

Ещё и бровями подёргивает, намекая на нескучную ночь.

Иногда Дашка бывает пошлячкой.

– Впечатлил, но не так, как ты думаешь.

– Рассказывай! – она возбуждённо взмахивает руками.

И я рассказываю. И про наше странное свидание на лавочке, которое показалось мне уютным. И про поцелуй. И про напор Кирилла. И про то, что меня просто припечатали к стене, не спросив разрешения.

И это задело. Помимо вороха всяких разных ощущений я остро почувствовала свою уязвимость.

– Ого, – Даша прикладывает ладони к груди. – Как же ты остановила этот бронепоезд?

– Сама не знаю... Меня вот даже не смутило, что он немногословен. Я же болтушка. Могу за двоих вещать. И он смотрел на меня так... ну... обжигающе. Я понимаю, что ему понравилась. Но от «понравилась» до поцелуя мы должны пройти какой-то путь, верно?

– С чего бы? – фыркает она. – У него нет времени на этот путь, Ась. Он скоро уедет, вернётся в Москву. В лучшем случае дней через десять. Конечно, он должен ускориться.

– Для чего?

Мой вопрос звучит резковато. Но это не из-за Даши, конечно. Просто пусть скажет вслух, почему Кириллу нужно спешить.

– Сама знаешь, Ась. Чтобы поразвлечься на всю катушку. Мой любимчик Бортников на каждой выездной игре заводит себе новую подружку. А они потом строчат ему под каждым постом, что беременны от него.

Мне становится совсем противно. Не от Дашкиных слов – от того, как точно они ложатся на мои страхи.

– Ты сейчас серьёзно говоришь? – тихо спрашиваю, грея ладони о чашку.

– А что? Ась, я не со зла. Просто подумай трезво. Он – московский хоккеист. Ты – кондитер из Краснодара. Он уедет, а ты останешься.

Возразить нечего, поэтому молчу.

– Вот скажи мне, – Даша подтягивает колени к груди, устраиваясь на стуле поудобнее, – он вообще что-нибудь сказал? Ну, типа «ты мне нравишься», «хочу тебя узнать», «давай встречаться»...

– Он спросил, хочу ли я уйти.

– И всё?

– Три раза.

Даша моргает.

– Три раза спросил, хочешь ли уйти? За весь вечер?

– Ну... Ещё сказал, что лапша отличная. Что они победят. И «значит, мы уже победили», когда я призналась, что буду болеть за «Легион».

Даша какое-то время просто смотрит на меня шокированно.

– Ась, он что, реально вообще не разговаривает?

– Разговаривает. Просто мало. И как будто каждое слово ему физически тяжело даётся. Но при этом, Даш, когда он молчит – он не пустой. Понимаешь? Он смотрит – и ты чувствуешь всё, что он не произнёс вслух.

– Звучит так, будто ты уже влипла, – мягко говорит Даша.

Делаю глоток остывшего кофе. Горчит.

– А ещё он стянул с моих волос резинку. Просто взял и снял. И спрятал к себе в карман. Без спроса. Как будто имел право.

– Без спроса стянул резинку, без спроса поцеловал, без спроса прижал к стене, – загибает пальцы Дашка. – Ась, ты видишь паттерн?

Вижу. Конечно, вижу. Именно от этого паттерна у меня мурашки по всему телу. Не от страха.

Вернее, не только от страха. Но и оттого, что мне это понравилось.

Вот что по-настоящему пугает. Не он. Не его руки, не его молчание, не его рост и сила. А то, что когда он прижал меня к двери и поцеловал – внутри что-то отозвалось. Что-то тёмное и голодное. О существовании чего я даже не подозревала.

– Знаешь, что, – Даша ставит свою чашку на стол с таким стуком, что я вздрагиваю, – хватит себя накручивать. Доверься судьбе, Ась.

Судьбе? Разве она была ко мне благосклонна хоть раз за всю мою жизнь?

С младенчества – детский дом, ни одного родственника. И две приёмные семьи, которые отправляли меня обратно.

– Буду собираться на работу, – говорит Даша, поставив передо мной новую чашку кофе и бутерброды.

– Угу, – понуро киваю ей.

В рюкзаке вибрирует телефон. Достая его. На экране горит – «Виктор. Детдом».

– Да, привет, – принимаю вызов.

– Ась, привет. Ты клюшку забыла в машине.

– Я знаю, Вить.

Ещё вчера хотела позвонить, сразу после работы. Но у меня это вылетело из головы, когда увидела великана под фонарём.

– Я просто так не верну, – внезапно говорит Вить.

– А как вернёшь? – напрягаюсь я.

– Кофе со мной выпьёшь вечером, тогда верну. Сразу после матча. Я тоже, кстати, иду.

– А если откажусь, то что?

– Тогда не верну, – посмеивается он.

– Кофе вечером вредно, Вить. Оставь клюшку себе.

Сбрасываю вызов. Но за клюшку чертовски обидно.

Глава 14. Шестьдесят минут «до».

Ломов

– Да, малыш, да. Я тебя понял. Ну конечно, я приеду в суд. Вот прям уже билетики заказываю, – сладко тянет Аварский, развалившись на своём месте в одних шортах.

Голос – мёд с патокой. Так он разговаривает только с Валерией. Не потому, что любит. Потому что стебёт.

– Ну а как же, Лерочка? Всё для тебя. И адвоката нового найму. Тебе же не понравился тот? И этот не понравится? Ну ничего, третий раз – он счастливый.

Валерия – его почти бывшая жена. Уже третий год «почти». Поженились они, когда Макс играл в НХЛ. И всё у них было красиво: особняк, вечеринки, два миллиона подписчиков в соц-сетях. Потом Макса выкупил московский клуб, и он вернулся в Россию. Валерия не поехала. Осталась в Америке с его кредиткой и адвокатом.

Три года она не даёт развод. Тянет, выкручивает, подаёт встречные иски. Потому что Макс – не просто хоккеист. Макс – единственный сын Аварского-старшего, чьё состояние Forbes оценивает в цифру, от которой у нормального человека поедет крыша.

А Макс называет её «малыш» и улыбается в потолок. И непонятно, кто кого из них двоих больше ненавидит.

Сижу, листаю ленту в телефоне. Форма развешана за спиной. Вокруг все заняты своим. Осталось шестьдесят минут «до».

Духов мотает клюшку, Невод разминает плечи, Сафин сидит с закрытыми глазами в наушниках. Наш капитан перед игрой всегда уходит в себя. Маланьев что-то обсуждает с Роговым у дальней стенки. А я залип в телефоне.

На экране – сайт краснодарской недвижимости. Агент прислал три варианта.

Первый – студия. Тесная, мебель из Икеи, окна на парковку. Нет.

Второй – двушка в центре. Нормально, но подъезд общий, соседи, лифт. Нет.

Третий. Отдельный вход, крытая терраса, гостиная, совмещённая с кухней, барная стойка. Спальня, две ванные. Первый этаж таунхауса в закрытом комплексе. Тихий район, зелень, ни одной рожи в радиусе пятидесяти метров.

Полистав фотографии, пишу агенту: «Третий. Аренда на месяц. Заезд завтра».

Агент отвечает мгновенно, озвучив цену. Я подтверждаю, перевожу бабки.

Закончив разговор с Валерией, Макс плюхается рядом. Заглядывает в мой телефон.

– Оо, квартирку в Краснодаре решил прикупить? А чё так?

– Снять.

– Нахера? Надоело пастись с нами в отеле? Решил выпорхнуть из гнезда? – толкает меня плечом. – Ну ты же ещё так молод, сынок!

Не реагирую на его стёбы. После разговоров с почти бывшей женой он всегда крайне раздражён.

– Вот я могу ей дать то, чего она хочет, – размышляет вслух. – Но, сука бля, с чего бы? Своим голым задом на подиумах она и так вертит не за бесплатно. Детей у нас нет. С хера ли я ей должен что-то там оплачивать?

– Тогда выиграй суд, – говорю ему, закрывая сайт.

– Да мне просто нравится наблюдать, как эта дрянь мучается и пытается вытянуть меня в Штаты. Как думаешь, зачем?

Мычу что-то нечленораздельное.

– Вот именно, – кивает Аварский. – Потому что рассчитывает на счастливое воссоединение. Ну она же красавица, блять, писаная. Типа вот прям нет больше таких. А они есть, Лом. Вон Ася твоя. Красивая, но без подиума и титулов королевы красоты.

Когда он так громко вякает, что Ася моя, все, кроме Сафина, бросают в нашу сторону любопытные взгляды. И я сейчас башку Макс за это откручу.

– Ладно. Чё там у тебя? Зачем хата? – вновь лезет в моё личное.

Как ему объяснить? Сказать, что Ася не пойдёт со мной в ресторан? Что она, скорее всего, вообще больше не захочет меня видеть? Что я вчера перешёл черту и только чудом остановился, не разрушив всё до необратимого конца?

И если каким-то чудом она согласится увидеть меня снова, я хочу пригласить её туда, где безлюдно. Где тихо. Не в отель, где по коридорам шатается вся команда.

– Надоело в отеле, – бросаю коротко.

Макс шурится.

– Ммм... как интересно. Интрига, бля. Лом что-то задумал. Мне жутко.

Жутко ему. Нахер пусть идёт. Разберусь сам.

– Короче, не расскажешь, – подытоживает Макс. – И куда вчера свалил – тоже.

Не расскажу.

Заходит Бобров, чтобы дать всем установки. Обсуждаем расстановку, звенья, кто на кого.

На меня смотрит отдельно.

– Кирилл, на тебе Кравцов. Два его удаления за грубость в прошлой игре мы запомнили, хоть и не отреагировали тогда. Теперь ответим. Сломай его красиво, тафгай.

Киваю.

Кравцов – тафгай «Барсов». На прошлом матче дважды влетал в наших, оба раза грязно. Сегодня я отреагирую.

Одеваюсь. Каждый элемент амуниции в определённом порядке. Правый щиток, потом левый. Всегда так. Не ритуал, привычка.

Выйдя в коридор, сталкиваемся с «Барсами». Они возвращаются со своей раскатки. Наши проходят молча. Мы не тратим эмоции до игры.

Кравцов идёт последним. Он почти моего роста, только чуть уже в плечах, с перебитым носом. Заметив меня, замедляется.

– Увидимся на льду, красавчик, – цедит он с ухмылкой.

Смотрю на него тяжёлым взглядом. Этого достаточно. Ухмыляющиеся губы недовольно кривятся.

Выходим на раскатку. В голове сразу становится чище. Ненадолго все мысли об Асе улетают куда-то в самую глубь черепной коробки. Ни квартиры, которую хрен знает, зачем снял, ни вчерашнего вечера – ничего не остаётся. Только лёд, клюшка, шайба.

Катаюсь легко, не напрягаясь. Разогреваю ноги, плечи, кисти. Бросаю шайбу в борт, подбираю, бросаю снова. Тело включается, голова выключается.

Возвращаемся в раздевалку. Последние минуты готовимся к игре уже морально. Сафин поднимается, обводит всех взглядом.

– Погнали, мужики.

Выходим.

Я – первый. Так повелось ещё с прошлого сезона. Тафгай выходит первым – задаёт тон. За мной – Сафин. За ним – остальные. Последним – Рогов, наш вратарь.

Рёв трибун бьёт по ушам. Двенадцать тысяч. Новая арена забита под крышу. Свет, музыка, гул. Лёд блестит.

Делаю круг, чувствуя, как адреналин затапливает тело. Взгляд скользит по трибунам. Я знаю, где её место. Сектор двенадцать, ряд восемь.

Нахожу сектор. Четверо подростков в шарфах «Легиона». Вертятся, что-то оживлённо обсуждают, тыча пальцами в лёд.

И Ася... Волосы у неё распущены. Как вчера, когда я стянул с них резинку. Эта резинка сейчас на моём запястье под перчаткой, как талисман.

Она не смотрит на лёд. Она смотрит на парня рядом с собой. Незнакомый, не из детдомовских ребят, старше. Он что-то ей говорит, наклонившись близко и прижавшись плечом к её плечу.

Ася не улыбается. Лицо у неё напряжённое, губы сжаты. Она качает головой и отворачивается от него. Парень не отстаёт. Снова наклоняется.

Я не знаю, кто он. Не знаю, что он говорит. Знаю только то, что он сидит слишком близко.

Глава 15. Бронепоезд.

Ася

Когда я вижу его на льду, во рту у меня пересыхает. И кажется, я даже глохну, потому что слышу не шум тысяч болельщиков, а свой бешеный пульс.

Кирилл Ломов... Тафгай. Который выглядит сейчас ещё более устрашающим, чем прошлым вечером в сумерках возле моего подъезда.

И мне бы, дуре, перестать думать о нём совсем. Потому что Даша права, для него я – просто очередной жизненный эпизод на выездном чемпионате. Но я, блин, думаю.

И думаю...

И даже фантазирую на тему «а если бы я не ушла».

И каждый раз меня в жар бросает от этих дум.

Команды разыгрывают шайбу. Пытаюсь понять, что происходит, а не просто пялиться на Кирилла.

– Асяя! – Кристина дёргает меня за рукав так, будто от этого зависит её жизнь. – Он! Опять! Посмотрел!

Да боже мой...

У неё глаза как два блюдца, щёки горят. Она вся подалась вперёд, вцепившись в края сиденья, и если бы не я, кажется, перемахнула бы через восемь рядов и стекло и выбежала на лёд.

Аварский, конечно... Вот кто её так волнует. Секунду назад он пронёсся мимо нашего сектора, и для Кристины этого достаточно. Ей семнадцать. Ей не нужны доказательства его интереса. Ей нужно, чтобы кто-то подтвердил то, во что она уже верит.

– Может, и посмотрел, – говорю я ровным тоном. – На всех нас посмотрел. В рамках социального проекта.

Но ей не нужны подобные детали.

– Я же говорила! – она поворачивается к Лёхе. – Видел?! Он на меня постоянно смотрит!

Я делаю рука-лицо, а Лёха даже не достаивает её взглядом. Он сидит, вцепившись в колени, и следит за шайбой с таким лицом, будто сдаёт экзамен. Для него всё это – подарок. Он посмотрел все матчи «Легиона» в этом сезоне. Он знает всю статистику, всех игроков по номерам, кто в каком звене. Для него билеты на живой матч – это как для Кристины встретить Аварского в лифте.

Вова рядом с ним крутит головой. Вова не знает ничего, но ему интересно всё. Он из тех, кто задаёт вопросы не потому, что хочет знать ответ, а потому, что не может молчать.

– А почему они остановились? А этот свисток – это что? А ему больно?

– Вов, – рычит Лёха сквозь зубы, – помолчи. Пожалуйста!

Вова не молчит. Но делает голос тише на полтона.

Айгуль сидит с самого края и сегодня кажется оживлённей, чем обычно.

– Ась.

Невольно хмурюсь. У меня ещё тут Виктор под боком, блин!

Его плечо уже вжимается в моё, и мне приходится чуть сдвинуться, чтобы вернуть свои границы на место.

– Ну так чё, завтра? – шепчет он в самое ухо, пытаясь окончательно пробить моё личное пространство.

– Вить, мы на матче, – даже не смотрю на него.

– А завтра мы не будем на матче. Полчаса мне удели. Я клюшку привезу.

– Оставь клюшку у своей мамы. Я потом заберу.

– Хитро, Ась. Но нет. Всё равно ведь добьюсь своего, и мы не только кофе выпьем, но и вместе поужинаем.

Вот теперь я поворачиваюсь к нему. И хочу показать своим спокойным и непоколебимым выражением лица, что он явно что-то перепутал. Но Витя видит на моём лице что-то другое... И внезапно подаётся вперёд, почти касаясь губами моей скулы.

Я вспыхиваю, отшатываясь.

Какого чёрта?!

– Это должен был быть дружеский чмок, – смеётся этот идиот.

– Вить, а ты про лопату не забыл?

– Да что это... – лениво улыбается, потирая шею. – Отлично помню.

– Вот и не забывай, – рычу на него.

Хватит с меня!

Разворачиваюсь обратно и... натыкаюсь взглядом на скамейку запасных.

Кирилл. И смотрит он не на лёд, а на меня. Или на Виктора. Или на нас обоих. С моего места не разобрать точно. Да и не нужно.

Его выпускают. Он встаёт, перекинув ногу через бортик, быстро оказывается на льду и катится к центру. Медленно. Как-то даже тяжело. Но внезапно делает рывок, ускоряется и впечатывается в бок тафгая «Барсов». Тот влетает в борт, защитное стекло вздрагивает.

– Чисто! – орёт Лёха. – Красавчик, Лом!

Тот тафгай сползает по борту и встаёт не сразу.

Вова выдыхает:

– Это вообще законно?

– Это хоккей, Вов, – отвечает ему Лёша. – Ломов и не так может. Он как машина, как бронепоезд. Сшибёт так, что по кускам собирать будут... Оо, вон, смотри! Опять погнался!

И правда, Кирилл опять несётся к тафгаю соперников. Но тот уже ждёт, повернувшись к Ломову лицом. Он здоровый, широкий, не меньше Кирилла. Они на секунду замирают друг напротив друга.

Мне почему-то хочется зажмуриться, но я смотрю во все глаза.

Их клюшки летят на лёд. Перчатки – следом. Тот тафгай, кажется, Кравцов, хватается Кирилла за свитер и тянет на себя. Кирилл перехватывает его руку и мощно бьёт по шлему. Голова у Кравцова дёргается назад. Кирилл бьёт снова – в грудь. И ещё – в солнечное сплетение. Кравцов складывается пополам.

Судьи наконец влетают между ними, хватают, растаскивают. Кирилл невозмутимо поднимает руки, словно говоря: всё, закончили. И катится к скамейке штрафников. Садится, снимает шлем, оборачивается и снова смотрит в нашу сторону.

Я вздрагиваю. Ну потому что... на кого ему ещё тут смотреть, а?

Хотя это глупо, конечно. Практически так же глупо, как фантазии Кристины.

Но Ломов смотрит. Тяжело и долго. И я тоже не отвожу взгляда, словно загипнотизированная им. У меня внутри всё подрагивает...

Вот те руки, которые только что молотили здорового мужика, вчера держали моё лицо. А тело этого «бронепоезда» впечатало меня в дверь подъезда. И, кажется, это были лишь цветочки.

В перерыве, когда вся команда покидает лёд, а Витя уходит купить воды, становится чуточку легче дышать. Кристина спорит с Лёшей, настаивая, что шайбу Сафин забросил только благодаря Аварскому.

На табло, кстати, 1:0.

– У тебя уже Аварский головного мозга, – шипит на неё парень. – Сафину пас отдал Духов. Ты чё, дура? Или ослепла от любви?

– А ты чё, ревнуешь, малыш?

– Тебя, что ли? Да пошла ты...

– Лёш, хватит! – обрываю парня. – Сейчас мы все просто встанем и уедем. Этого хотите?

Кристина, ты тоже замолчи.

Оба пыхтят, но больше не кусаются.

Я проверяю телефон. Даша тоже здесь, только в секторе «Барсов». Наверняка что-то написала мне про счёт не в их пользу. Но нет, от Даши ничего.

В моём блоге висит пост с вопросом: «Ждёте ли вы вечернюю трансляцию?» Ждут уже сто человек. И прямо сейчас приходит новая реакция. Кирилл Ломов. Тоже ждёт.

У меня вспыхивают уши. Судорожно проверяю, может, просто уведомление задержалось. Но нет, он прямо сейчас отметился в моём блоге.

У него игра, а он в перерыве торчит в моём блоге.

Господи... Это всё просто не помещается в моей голове.

Виктор возвращается, и я убираю телефон в карман. Он раздаёт детям бутылки с водой, а мне протягивает коробочку сока. И делает это с таким лицом, словно я должна оценить его широкий жест.

– Спасибо, – отзываюсь бесцветно. – Я не хочу пить.

Хотя очень хочу. Но не собираюсь принимать сок от Вити.

Он недовольно цокает языком.

– Ты такая душная, Насть. Всегда была душной.

Намеренно называет меня Настей, чтобы задеть. А я уже давно Ася. Настя была чертовски слабой.

– Так иди проветришь, Вить, – бросаю небрежно.

Во втором периоде «Легион» вколачивает в ворота соперников ещё две шайбы. Потом ещё одну в третьем. Матч пролетает стремительно. И мне мало. Мало этого адреналина, эмоций и... бронепоезда-тафгая, несущегося по льду. Пока что на безопасном от меня расстоянии.

Пока что.

Глава 16. Эфир.

Ломов

Эфир не запускается ни в 22:00, ни через пятнадцать минут.

Жду не только я. Рогов тоже пялится в телефон. Ещё Духов проверяет постоянно. Ну и Аварский, конечно. Куда же без него? Сидит в автобусе рядом со мной, вслух рассуждая о смысле бытия. Точнее о том, что все женщины – существа непунктуальные.

– Но мы ведь им это прощаем, да, Лом?

Молчу, снова обновляя страницу. И мрачно размышляю о том, что её опоздание может быть связано с тем пареньком, которого я мысленно выпотрошил раз пять за время матча.

Наконец вся команда загрузилась, и автобус трогается. Обновляю страницу...

Макс не унимается.

– Думаешь, тот парнишка, который рядом с ней сидел – её бойфренд?

Сука... Он в башке моей, что ли, умеет ковыряться? Или у меня мозги просвечивают?

А Макс тут же сам и отвечает на вопрос:

– Это вполне может быть. Девочка-то сочная.

От слова «сочная» из его уст меня начинает плющить. Разворачиваюсь к нему.

– Ну не сочная, а симпатичная, – быстро говорит Аварский, бросив на меня взгляд. – Хотя этого определения явно недостаточно, сам ведь понимаешь. Она... необычная. Чистенькая. Эксклюзивчик такой... Лом, хорош на меня так смотреть. Глянь вон лучше так на Невода, чтобы он с запорами не мучился.

Неводов, услышав, показывает средний палец. Макс не затыкается.

– Да видел я этого бойфренда. Дохлик, блять. И тебе его, кстати, бить нельзя. Вот вообще нельзя. Иначе твоя условка превратится в реальный срок, Лом. Так что давай-ка сегодня конскую дозу успокоительных – и в люльку.

Отворачиваюсь от него, обновляю страницу.

Нина, её измена, мой срыв, условка – фрагменты воспоминаний мелькают в памяти. А я не хочу это вспоминать.

Эфир вдруг запускается. На экране – кухня, светлая, большая, с кучей техники. Ася влетает в кадр, на ходу завязывая фартук.

– Всем привет! Простите за опоздание, мы...

– Мы были на хоккее! – сбоку втискивается её подруга. – «Барсы» продули. Три один. Я в трауре.

– Даш, мы печём торт.

– Я скорблю и пеку. Одно другому не мешает.

Ася мягко отодвигает её, вытесняя из кадра. И вот теперь она одна. Смотрит прямо в камеру. А у меня ощущение, что смотрит на меня.

– Сегодня у нас заказ. Торт на день рождения. Тематический. И тема, как вы уже, наверное, догадались – хоккей! Будет два яруса. Украшения – клюшка, шайба, звезда...

Она показывает эскиз торта, продолжая рассказывать. Макс рядом хмыкает, глядя в свой телефон:

– О, Бобровский тортик... Красавица, а! Лом, ну ты глянь, какая...

Не слушаю его. Смотрю.

Она начинает готовить. Разбивает яйца одной рукой. Точно, быстро. Взбивает их, попутно что-то объясняя про шоколад, про температуру, про какие-то пропорции... Я не улавливаю практически ни слова, потому что она убирает волосы тыльной стороной ладони, и у неё обнажается шея. И я залипаю на этой шее так, будто ничего красивее в жизни не видел.

Голос у неё другой сейчас. Не тот, что был, когда мы оказались вдвоём. Тогда она волновалась, а сейчас говорит ровно и уверенно.

– Ася, тебя спрашивают – ты замужем? – Даша читает комментарии.

– Мы печём торт, Даш.

– Люди интересуются!

– А я раскатываю мастику.

– Она не замужем, – Даша наклоняется к камере. – Она монашка. Её на свидание и не выгонишь.

Остро чувствую взгляд Макса на себе. И знаю, о чём он сейчас думает.

Монашка. Неопытная девочка. Не связывайся, Ломов.

А я уже не могу запретить себе это. Тормоза сорваны.

Она раскатывает что-то белое, вырезает ножом по трафарету. Потом берёт кисточку, макает в золотую краску и начинает рисовать контур звезды.

– Вот, – поднимает готовую звезду. – Осталось дожидаться коржей, дать им остыть и собрать торт. Но это я сделаю уже ночью, без камеры.

– Она не будет спать, – вклинивается Даша. – Потому что она сумасшедшая.

– Потому что у меня дедлайн, – поправляет её Ася с важным видом. Мягко улыбнувшись, добавляет: – И я обожаю то, что делаю. Это не просто работа, не просто хобби. Это... мечта.

Её глаза почему-то наполняются грустью.

Мечта.

А в чём мечта? Открыть свою кондитерскую?

– Ой, тебя опять пытаются про личное, – вновь вклинивается её подруга. – Какой-то Аватар спрашивает, есть ли бойфренд.

Тяжело смотрю на Аварского. Духов ржёт, пялясь в экран.

Ася молча качает головой, потом задумчиво кивает, не отвечая на вопрос.

Или это и был ответ?

– Спасибо всем, кто смотрел, – тараторит она в камеру. – Утром будут фотографии получившегося тортика. Я очень рада новым подписчикам! Обещаю: здесь всегда будет вкусно. Спокойной ночи, сладкоежки.

Эфир заканчивается. Сижу неподвижно, глядя в тёмный экран. Макс больше не комментирует. А сейчас как раз мог бы разбавить моё внутреннее смятение. Но Аватар кому-то усердно строчит. Может быть, своей пока ещё жене, а может – любой другой девушке.

Выгружаемся у отеля.

Бобров толкает речь, хвалит нашу игру, ругает за какие-то косяки.

Расходимся.

Поздний ужин мне приносят в номер. И тут же является Аварский и разваливается в кресле. В руках держит телефон. Я ем, не обращая на него внимания.

Может, пришёл, чтобы дать мне ту самую лошадиную дозу успокоительных и убедиться, что я их приму.

– Давай меняться, Лом, – бросает он, заскучав от собственной интриги.

– Чем?

– Ты мне – адресок своей новой хаты, а я тебе – номерок одной кондитерши.

И повисает, блять, очень долгая пауза. Потому что я не могу сформулировать вменяемый вопрос. А он опять заёбывает с интригой.

– Говори! – рычу в итоге.

Макс картинно вздыхает.

– Я узнал у Аси номер её телефона. Ты оплатишь торт, а я напишу ей, куда его доставить завтра. Уверен, что сам ты нормально написать не сможешь. Плюс – тебя она боится, скорее всего. А меня как бы нет. Но встретишь её ты, само собой. Но я буду знать адрес на случай

срочной капитуляции Аси из логова маньяка. О, точно! Давай кодовое слово придумаем, а? В шаблоны смс закинем, чтоб ты быстро мог его мне отправить. Что-нибудь типа... эм...

– Пиздец... – выдыхаю я.

– Вот! Пиздец подходит.

Глава 17. Чертовски много за торт

Ася

Часы показывают три, когда торт, наконец, готов. Даша уснула на кожаном диванчике у окна и теперь забавно посапывает, натянув на себя халат вместо одеяла.

Её мама приходила ко мне трижды. Пыталась покормить, помочь или как-то развлечь. В итоге я отправила её отдыхать.

Фоткаю получившийся шедевр, упаковываю в коробку и ставлю в холодильник. Всё.

Глаза слипаются, в ногах слабость, но внутри у меня такой пожарище, словно не Максим Аварский мне написал, а его молчаливый друг-великан.

Максим написал после эфира. Спросил, к какому телефону привязана карта. Вроде всё прилично, он просто хочет оплатить торт. Но я так возбудилась, словно мне на этот телефон должен позвонить сам Кирилл.

Даша смотрела на мои метания по кухне со скептическим выражением на лице.

– Интересно ещё посмотреть, сколько они заплатят за торт, – изрекла она.

Мне было неважно, сколько. Скорее я мечтала знать, от кого.

Перевод пришёл через час. От Кирилла Л. И Даша не знает, сколько. Она уже дрыхла.

Пятьдесят тысяч. Целых пятьдесят тысяч мне перечислил Кирилл за торт себестоимостью примерно в шесть. И целую минуту, глядя на эту цифру, я даже подумывала оскорбиться.

Много. Чертовски много за торт! Словно эти деньги были ещё за что-то.

Я себя прям накрутила.

Он меня покупает, что ли?

Или уже купил?

Аварский прислал мне адрес, куда я должна доставить этот торт. Извинился, что не получается забрать лично. И всё. Ни времени, во сколько я должна доставить, ни того, кто меня там встретит.

Осторожно бужу Дашу, помогаю ей подняться и веду в её спальню. Она идёт практически с закрытыми глазами и бормочет:

– Мне такой сон снился... Барсик мой, мм...

Её Барсик – это Бортников, скорее всего.

Ложимся на её кровать, Даша обнимает плюшевого единорога, зарываясь в него лицом.

– И что бы ты сделала, если бы реально оказалась в одном пространстве со своим Барсиком? – спрашиваю шёпотом.

Не уверена, что она меня слышит. Может, уже уснула.

Но Даша отвечает:

– И дураку понятно, что... Ты видела, какие у него кубики?.. А задница какая... ммм...

Конечно, я не видела кубиков Бортникова, ведь я не торчу на его странице.

Даша начинает мерно посапывать, наверное, снова провалившись в сон с Барсиком. А я плююсь в телефон, залипнув на странице Ломова. И, блин, нахожу фотку с кубиками его пресса!

В альбоме с какой-то благотворительной фотосессии. Он стоит в расстёгнутой хоккейной форме, мокрый после тренировки. Камера поймала именно тот момент, когда он стягивал нагрудник через голову.

Господи...

Увеличиваю.

Потом уменьшаю.

Потом снова увеличиваю, потому что – ну а кто бы не увеличил?

У Бортникова, может, и хорошие кубики. Но у Ломова там не кубики. Там бетонная плита. Литая. Монолитная. Каждая мышца – как отдельная деталь какого-то механизма, созданного исключительно для того, чтобы ломать людей о бортики.

И обнимать у подъездов, видимо.

Листаю дальше. Фото с командой – он с краю, выше всех, лицо каменное. Фото с кубком – держит, не улыбается. Фото в костюме на каком-то мероприятии – и тут не улыбается.

Он вообще когда-нибудь улыбается?

Возвращаюсь в тот альбом, к той женщине из его прошлого. Она красивая, ухоженная, с гордо поднятой головой и роскошной белой гривой почти до пояса.

Я не она – совершенно точно. По сравнению с ней я – простушка.

И я вновь себя накручиваю, что Ломов перечислил кучу денег этой простушке, а она их приняла.

Нет, надо вернуть. Сниму с карты, отдам вместе с тортом. Да, так и сделаю.

Выхожу из альбома Кирилла, возвращаюсь на его страницу, а он – онлайн. И от горящего значка «в сети» я вздрагиваю.

Он не спит. И я не сплю. И могу ему написать.

Сглатываю и выключаю экран. Прижав телефон к груди, закрываю глаза.

Спи, Ася. Завтра будет новый день...

Правда, этот день наступает чертовски быстро.словно я моргнула разок, и всё. С добрым утром, Ася.

Даша будит меня в восемь утра. И выглядит она бодренько, в отличие от меня.

– Ась, сходи в душ, полегчает, – отправляет меня в ванную.

За завтраком начинает допрашивать:

– Ну что? За торт перевели? Ты одна поедешь его отвозить? Сразу после работы?

Качаю головой.

– Сегодня у меня выходной, если ты не помнишь.

– Ой, точно. Во сколько поедешь? Может, это адрес, где вся команда будет тренера поздравлять, а? Наверное, какой-то ресторан. Надо бы нарядиться, Ась.

Слава богу, забывает про деньги, перечисленные за торт. Потому что воодушевлённо перечисляет варианты платьев из своего гардероба, которые подойдут и мне.

– Так, стоп! – останавливаю её. – Если бы хотели поздравлять тренера тортом, то элементарно указали бы время.

– Кстати, да, – сдувается Даша. – Так что за адрес тогда? Команда не в отеле живёт?

Пожав плечами, тянусь к телефону.

– Давай посмотрим, что за адрес.

И тут, как по заказу, прилетает сообщение от Аварского.

«Забыл уточнить время, Ась. Давай часикам к пяти. Сможешь?»

Даша пялится в экран вместе со мной.

– Я же сказала! Нарядиться придётся, Ась. На всякий. В джинсах я тебя просто не отпущу.

– А в чём отпустишь? – я почему-то шепчу.

Она лукаво прищуривается.

– У меня есть одно платье, и к нему не предусмотрено ношение колготок, только чулки.

И это платье будет на тебе смотреться так, что весь «Легион» слюной подавится.

– Я не надену чулки, – категорически отказываюсь.

Даша давит меня взглядом.

– Наденешь, Ася!

И вот я еду домой на такси, с тортом, платьем и чулками, которые Даша купила на особый случай и ни разу не надела. Потому что особого случая не представилось.

До предполагаемой встречи восемь часов. Целых восемь.

А потом семь.

А потом я немного убралась в квартире, покормила соседского кота, приготовила лёгкий обед себе, вздремнула... И теперь мечусь по комнате в одном полотенце с феном и расчёской в руках, не зная, в какую розетку лучше воткнуть фен, чтобы смотреть на себя в зеркало, пока пытаюсь сделать укладку.

Никогда я не делала укладок. Чаще всего просто сушу волосы и собираю их в хвост.

Хвост... Резинка, которую стягивают с меня его пальцы...

Господи...

Мне плохо.

От желания вновь оказаться рядом с этой скалой. И от страха бежать от него без оглядки.

Наконец сушу волосы, приподнимая у корней расчёской. Получается пышненько и свежо. Слегка подкрашиваю ресницы, наношу чуть-чуть румян. И смотрю на лежащее на кровати платье, как на бомбу. А на чулки вообще боюсь смотреть.

Приближаюсь ко всему этому добру. Так, ладно... Главное, не поставить стрелку.

Сначала надеваю чулки. Тонкий телесный капрон, нежное кружево на резинке. Не сильно сочетается с моим простым чёрным комплектом белья. Ну да ладно.

Берусь за платье. Оно очень плотное, почти не тянется. Даша сказала, что ей оно мало. Думала, похудеет, но не получилось. В общем, она мне его подарила.

Надеваю платье, застёгиваю молнию на спине. Меня стягивает в бёдрах, в талии, в груди. И тут я понимаю, что ношение лифчика здесь тоже не предусмотрено. И вообще – лучше бы и без трусиков тоже.

Мда...

Избавляюсь от бюстгальтера и вновь облачаюсь в платье. Оно нежно-голубое, под цвет моих глаз. Длина приличная, до колен, но есть разрез на бедре, и кусочек резинки чулок всё же видно.

Выпрямляюсь, делаю глубокий вдох, перекидываю волосы на одно плечо.

Ну и куда ты в таком виде, Ася? Словно на свидание собралась...

И будет крайне неловко, когда меня по этому адресу встретит кто-нибудь из «Легиона», заберёт торт и... уйдёт. А я такая – в платье и с разбушевавшимися фантазиями.

Идиотка...

Вызываю такси, беру торт и выхожу.

Глава 18. Неправильно, потому что правильно.

Ломов

Вся команда в ресторане. Даже Курган здесь. Не хватает только Боброва.

– Вот меня терзают смутные сомнения, Ломушка, – язвительно шепчет Аватар, пока мы торчим возле входа. – То ли ты идиот, то ли решил отстать от девочки. Какой вариант, Лом? Какого хрена я послал ей адрес рестика? Ты должен был адрес квартиры мне дать. Получается, это я идиот, раз даже не проверил, какой адрес ты мне даёшь. Зачем она здесь, Лом? Зачем здесь ты? У тебя был реальный шанс побыть с Асей наедине, но ты зачем-то решил притащить её ко всей команде.

Макс может вещать так бесконечно. Почти без пауз и лишних вдохов. И он почти никогда не ждёт от меня ответов, справляясь в ребусах моего мозга самостоятельно.

Сейчас тоже пусть сам справляется, мне не до него.

Ключи от квартиры я получил ещё утром и успел оценить весьма внушительных размеров траходром в спальне, которого не было на фото. Кровать огромная, прям под меня, в общем. И я отчётливо увидел на ней себя и Асю. А ещё миллион раз прокрутил в башке сцену, как она стоит на пороге с чёртовым тортом и пугливо отступает, увидев, в чьё логово попала. И как я не даю ей сбежать – тоже увидел. А потом на траходроме этом...

Это пиздец, как неправильно. Ася должна пойти со мной по доброй воле, а не из-за подставы Аварского. Поэтому я не жалею, что адрес указан не тот. Потому что он правильный.

Ася привезёт торт сюда. Это будет полезно и для её блога. Рогов обещал снять и её, и торт. Потом раскинет по фан-группам. И команда репостами засыплет. Надеюсь, Ася будет в топе.

Аварский тем временем не замолкает:

– Я понимаю твоё стремление оттянуть момент неизбежного, Кир. Но времени у нас мало. Через неделю в Москву вернёмся... И вообще, нахера тебе конкуренты? Ты видел, как Рогов из трусов выпрыгивает перед ней? А Духов? Он торчит в её блоге с утра до ночи. Мне теперь в рекомендации только кулинария вылезает, потому что эти два идиота лайкают, лайкают и лайкают все посты Аси. Вон, кстати, Бобров, – кивает Макс в сторону шоссэ.

Тренер наконец выгружается из такси, которое остановилось возле дороги метрах в ста от нас. И даже с такого расстояния видно, как он раздражён.

Никаких сабантуев Бобров не хотел. Не во время полуфинала. И не тогда, когда возраст уже подбирается к шестидесяти – вот каков был главный аргумент.

Но у нас всё по-простому сегодня: лёгкий фуршет, торт, отдельный банкетный зал. Хотя ресторан довольно популярный, поэтому мимо нас постоянно проплывают посетители.

Идём к тренеру мимо машин, заполнивших парковку.

– Ты, кстати, сколько ей за торт перевёл, а? – спрашивает Макс, возвращаясь к больной теме.

– Моё дело, – отбрываю я.

– Сколько, Лом?

– Пятьдесят.

И это говорю не я. Это произносит подрагивающий девичий голосок за нашими спинами. Мы резко тормозим и оборачиваемся.

Ох ты ж, блять!

– Ни хуя... – бормочет Аварский. Прокашливается. – То есть... Вполне приличная сумма, молодец, тафгай. Ася, ты выглядишь прекрасно. Я пойду.

И уходит, напоследок врезавшись в меня плечом. Вероятно, для того, чтобы я поднял челюсть с асфальта.

А я пока не могу. Перед глазами появляются картинки, как я сдираю с неё это платье. Как мои пальцы тонут в её волосах, сжимают. И как я пожираю эти губы.

Ася держит торт за ленточки, которыми обвязана коробка, и смотрит мне прямо в глаза. А губы у неё подрагивают.

– Эта сумма меня оскорбила, – говорит Ася, когда я делаю широкий шаг к ней и оказываюсь крайне близко.

Не собирался так близко.

Её взгляд упирается в мою грудь, в расстёгнутую пуговицу на рубашке, ползёт вверх – по кадыку, по подбородку, к губам, к глазам.

– Я не хотел обидеть. Это было от чистого сердца, – выдираю из башки то, что должен сказать.

– Это слишком много.

– Для меня нет.

– А для меня да. Торт столько не стоит. Я чувствую себя обязанной.

– Нет. Это за торт.

Коснувшись её пальцев, перехватываю ленточки на коробке, и Ася отдаёт мне свою ношу. Но буквально на секунду её пальцы замирают под моими, а взгляд становится томным.

– Пойдём в ресторан, – говорю я ей. – Тренер подъехал.

– Зачем я там нужна? – настороженно смотрит на двери.

– Я... так хочу, – склоняюсь к её скуле. – Соскучился.

Она стоит неподвижно, позволяя моей щеке скользнуть по её, разрешая губам прикоснуться к своим волосам и невесомо, совсем чуть-чуть – кожи на виске.

– Хорошо, – шепчет Ася. – Мне будет приятно подарить торт вашему тренеру. А деньги я верну.

Упрямая девочка. Но я ещё упрямее.

– Пойдём, – киваю на вход.

Она идёт впереди, а я пожираю глазами её фигурку. Ася в джинсах и свитере на льду и Ася в этом голубом платье – это две разные Аси. Но обе сводят меня с ума.

Открываю перед ней дверь. Ася проскальзывает мимо, и наши тела на мгновение соприкасаются. Её плечо и моя грудь.

Штурмит нас от этого касания обоих. Я чувствую.

В банкетном зале уже шумно. Рогов первым замечает Асю и чуть бокал не роняет. Духов давится оливкой. Даже Курган смотрит заинтересованно, хотя на льду в упор её не видел.

Веду её к столу, и мне не нравится, что все на неё смотрят. Вообще не нравится. Хочу развернуться, увести и увезти. Но вместо этого ставлю торт на стол и выхожу из кадра, потому что Рогов уже снимает.

Со стороны наблюдаю, как поздравляют тренера. Как благодарят Асю за её шедевр, как её хвалят. Как она смущённо произносит небольшую речь, чествуя всю команду «Легиона».

Окружённая нашими парнями, Ася выглядит как котёнок в стае волков. Маленькая, тонкая и очень красивая в этом голубом платье. Но она не жмётся, не пытается спрятаться. Разговаривает с Бобровым, что-то объясняет про торт, показывая на звезду. Бобров слушает, тепло ей улыбаясь. Рогов продолжает снимать.

Картинка выходит хорошая. Этакie умиляющие кадры из реала команды, которые так любят мусолить в фан-группах.

Духов подносит Асе бокал, и я напрягаюсь. Но она просто благодарит и ставит бокал на стол, даже не отпив.

Официант режет торт, все начинают рассаживаться, и я оказываюсь рядом с Асей. Выдвигаю для неё стул. Она благодарит кивком головы и плавно на него опускается. Разрез платья на её бедре расходится в стороны, демонстрируя мне кружевную резинку чулка. И не только мне.

Я вижу, как Аватар, сидящий поблизости, пробегает быстрым взглядом по её бедру, закатывает глаза, а потом стреляет ими в сторону двери.

Посыл его понятен. Закидывай Асю на плечо, Лом, и тащи в свою берлогу.

И я снова живо представляю, как, собственно, я её тащу...

Во рту у меня пустыня. Жадно пью воду. А хочется пить её стоны...

Все едят торт, нахваливая его. Я не ем, занятый внутренней войной моих желаний и здравого смысла. Желания побеждают...

– Ась, у меня день рождения летом. Приеду в Краснодар за тортом, – Невод буквально лужей растекается перед девушкой.

Рогов тоже поёт про свою днюшку. И про то, что привезёт Асю в Москву и сделает личным кондитером.

– Обломишься, – тут же вклинивается Макс.

– Чё это? – дерзко поигрывает бровями наш вратарь

Тяжело смотрю на него, и он раздражённо швыряет ложку. Макс подмигивает ему с поддёвкой.

– Монтируй лучше видео, режиссёр, – говорит вратарю Бобров. – Напали на девочку, придурки.

Ася смеётся. Тихо, коротко, прикрывая рот ладонью. И этот смех...

Блять...

Этот смех я хочу слышать каждый день.

Откидываюсь на спинку стула, кладу руку на её стул. Не касаюсь. Трогаю Асю лишь глазами. Её спина напряжена, плечи чуть приподняты. Она делает глоток чая и... внезапно сама откидывается назад. Прижимается к моей руке и поворачивает голову в мою сторону.

Все посторонние звуки моментально вырубаются, и я слышу только её.

– Кирилл, я хочу вернуть тебе деньги. Не успела снять, когда ехала сюда. Как мы можем это сделать?

– Я их не возьму. Это для тебя.

Она кусает нижнюю губу, отчего та слегка краснеет.

– Свидание... – голос хрипнет от напряжения. – Ещё одно. Поедешь со мной?

Она прячет взгляд под ресницами. Потом вновь смотрит на меня этими своими невозможно красивыми глазами и едва заметно кивает.

– Хорошо.

Пришло время и для Аварского! Он у нас немного сломан в своей истории и я буду его чинить)

Присоединяйтесь)

<https://litnet.com/shrt/HBFB>

Глава 19. Останься.

Ася

Снова тесное такси, как тогда. На улице темно, в салоне тоже. И я вижу, как блестят глаза Кирилла каждый раз, когда смотрю на него. А делаю я это нечасто из страха упасть в обморок. Но всё равно еду с ним, испытывая непреодолимое желание понять, что между нами происходит.

Из ресторана мы ушли, ни с кем не попрощавшись. Кирилл сначала куда-то исчез, а Максим подошёл ко мне и попросил выйти на улицу. Я вышла. Нас уже ждало такси. И я безропотно села в него.

Никогда в моей жизни такого не было. Никогда и никто на меня так не смотрел, как смотрит Кирилл. Никогда мне не нравился кто-то так сильно, чтобы я безоговорочно подчинялась.

Это очень пугает. Кирил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.